

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
(СОФ НИУ «БелГУ»)**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И СПЕЦИФИКА ЕЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061255
Иванюты Галины Викторовны

Научный руководитель
д.фил.н., профессор
Нагорный И.А.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Теоретические аспекты исследования национальной картины мира.....	7
1.1. Соотношение понятий «национальная картина мира», «индивидуальная картина мира» и «языковая картина мира.....	7
1.2. Фразеология русского языка как отражение национальной языковой картины мира.....	22
Глава II. Тематическое пространство русской фразеологии, характеризующее национальную картину мира.....	37
2.1. Фразеологические единицы русского языка в лингвокультурологическом аспекте.....	37
2.2. Анализ культурно – национальных особенностей фразеологических единиц русского языка.....	46
2.3. Методика работы над фразеологизмами на уроках русского языка в средней школе.....	84
Заключение.....	89
Список использованной литературы.....	92

ВВЕДЕНИЕ

Языковая картина мира формируется посредством всевозможных языковых средств, и поскольку каждый народ – носитель своего языка, то и их языковые картины многообразны, а это означает, что каждому народу присуща своя национальная языковая картина мира. Однако национальный язык можно рассматривать как национальную картину мира только при условии, что язык является не только инструментом коммуникации и накопления информации, но и результатом мыслительно-эмоционального и духовного творчества народа, средством познания собственной культуры.

Актуальность исследования обусловлена большой степенью ориентированности современной лингвистики на взаимодействие языка и культуры в рамках лингвокультурологического направления исследований. Значительное внимание отводится соотношению универсального и национально-специфичного, универсального и узкоспециального в языке. При этом в сфере межкультурного языкового взаимодействия вовлекаются все новые области человеческой деятельности, и исследование русской фразеологии в этом аспекте является для нас крайне важным.

Антропоцентрический подход к языку (ср.: [Апресян 2006; Брагина 2007; Вежбицкая 2005; Карасик 2002; Колесов 2004; Маслова 2007; Телия 1988]), то есть интеграционное понимание сущности языка как «динамической системы, в центре которой стоит человек» [Бабкин 1987], обуславливает активное изучение национальной картины мира, репрезентированной в русской фразеологии. Несмотря на то, что многие исследователи говорят о фразеологических единицах как о «зеркале жизни нации» [Маслова 2007: 268], дискуссионным остается вопрос о месте ФЕ в представлении языковой картины мира (ср.: [Алефиренко, Золотых 2000; Бабкин 1979; Бабушкин 1996; Воркачев 2011; Виноградов 2015; Жукова

2008; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012; Катермина 2005; Корнилов 2003; Маслова 2007; Хайруллина 2000; Шакирова 2015]).

Научная новизна исследования заключается в углубленной культурологической направленности работы, посвященной проблеме проявления русского национального характера в преобладающих типах фразеологических единиц русского языка.

Теоретической базой представленного исследования являются работы ученых отечественной и зарубежной лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, Е. Ф. Арсентьева, В.Л. Архангельский, А. М. Бабкин, Л.Ю. Буянова, С. Г. Воркачѳв, Д. О. Добровольский, В.П. Жуков, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Г.В. Колшанский, О.А. Корнилов, В. Л. Маслова, В. Н. Телия, Р. Х. Хайруллина, Т. П. Чепелова, Т. З. Черданцева, Н. М. Шанский, Е. С. Яковлева и других).

Объектом данного исследования является национальная картина мира.

Предметом - лингвокультурологический аспект формирования национальной языковой картины мира (на материале фразеологических единиц русского языка).

Материалом исследования послужили фразеологические единицы русского языка, (в количестве 320 единиц), отобранные из русских фразеологических словарей, их употребление в художественных текстах.

Цель исследования заключается в выявлении базовых фразеологических единиц русского языка, в которых отражается специфика русской национальной картины мира.

В соответствии с целью, объектом и предметом исследования предполагается решение следующих **задач**:

- определение соотношения понятий «национальная картина мира», «индивидуальная картина мира» и «языковая картина мира»;
- освещение степени изученности проблемы репрезентации

- национальной картины мира в отечественной и зарубежной лингвистике;
- выявление тематических доминант русской фразеологии, характеризующих национальную картину мира;
 - анализ культурно – национальных особенностей фразеологических единиц русского языка;
 - разработка методических рекомендаций по работе над фразеологизмами на уроках русского языка в средней школе.

Методы исследования. Материал для исследования был получен нами методом сплошной выборки фразеологизмов из фразеологических русских словарей. В основу исследования положены описательно-аналитический, количественный и сравнительно-сопоставительный методы, а также метод концептуального анализа.

Гипотеза: национальная языковая картина мира в русской фразеологии является отражением особого мировоззрения русского человека и результатом синтеза научной и наивной картины мира.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в том, что оно вносит вклад в разработку проблем общей и сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, лингвострановедения, межкультурной коммуникации и т.д.

Практическая значимость состоит в том, что материалы работы могут служить основанием для дальнейших исследований в этой области, а также могут быть использованы в практике преподавания русского языка в средней школе, при составлении факультативных курсов по общей и сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии. межкультурной коммуникации.

Структура и объем работы определены поставленной целью и задачами исследования. Настоящая работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной научной и Справочной литературы. Библиография составляет 91 источник.

Содержание работы. Во введении обосновывается актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, называются объект и предмет исследования, формулируются его основные цели, задачи, методы, гипотеза исследования.

В первой главе рассматривается соотношение понятий «национальная картина мира», «индивидуальная картина мира», «языковая картина мира». Анализируется ключевое понятие данной работы: «национальная картина мира». Особое внимание уделяется особенностям отражения языковой картины мира в русской фразеологии.

Вторая глава посвящена рассмотрению фразеологических единиц как средств репрезентации лингвокультурологических особенностей фразеологического состава русского языка; определению тематических доминант русской фразеологии в выражении ментальных особенностей русской национальной картины мира и анализу культурно-национальных особенностей фразеологических единиц русского языка.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1. Соотношение понятий «национальная картина мира», «индивидуальная картина мира» и «языковая картина мира»

В словарном фонде языка сохраняется культурный опыт народов, таким образом, язык является не только инструментом коммуникации, так и культурной памятью его носителей [Черданцева 2004: 86]. Язык хранит сведения о жизни «ментального мира», то есть о том, как индивид воспринимал мир, постигал окружающую действительность, осознавал себя, свою роль, место в ней [Чепелова 2009: 120].

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что картина мира является субъективным образом объективной реальности и предстает как идеальное, концептуальное устройство [Кибрик 2002: 17], которое опредмечивается, объективируется в виде знаковых образований, не запечатлеваясь полностью ни в одном из них. Языку отводят главенствующую роль в «картировании» мира, он выполняет функцию идеализации и представления реальной действительности и является организованной классификацией человеческого опыта [Бабушкин 1998:4].

В связи с этим в науке возникает понятие языковой картины мира, которую многие ученые трактуют как заключенную в языке «интерпретацию действительности», «совокупность представлений о мире», объективированных в значении разных единиц данного языка [Зализняк 2006: 206], «мировидение через призму языка» [Яковлева 1996: 47], результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества [Корнилов 2003: 112].

Исследователи сходятся во мнении, что в языковой картине мира закрепляется опыт людей, составляющих некую общность и являющихся

носителями данного языка. Так, В.И. Карасик определяет ЯКМ как «систему отраженных в языковой семантике образов, интерпретирующих опыт народа, говорящего на данном языке» [Карасик 2002: 277]. С.Е. Никитина считает, что языковую картину мира составляют заложенные в языке практические, теоретические и культурные знания и опыт, освоенные, осмысленные и прямо или косвенно вербализованные носителями языка [Никитина 1999].

По мнению Т.П. Чепеловой, ЯКМ – «это особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого, влияющее на видение ситуаций и событий через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка, включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но в известной мере и правила их образования и функционирования» [Чепелова 2009: 119-122].

Отражению в ЯКМ подвергается не полностью весь мир, а лишь отдельные фрагменты, его «пики, т.е. составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» [Корнилов 2003: 92], имеющие коммуникативную значимость, ценность для сознания народа. Языковой образ никогда прямо не соответствует конкретному объекту действительности, скорее это «схема восприятия действительности», закрепленная в языке [Яковлева 1994: 9], «модель интегрального знания о концептуальной системе представлений», репрезентируемых языком [Дарамилова 2015: 162], интерпретация окружающего мира. Отображение лишь важных для человека объектов или их свойств говорит об ориентированности ЯКМ на человека, ее антропоцентричности [Яковлева 1994: 12].

Языковая картина мира, также как и концептуальная, не существует непосредственно. Прежде чем исследовать, ее необходимо реконструировать, опираясь на языковые факты. Н. Ф. Алефиренко

считает, что «логико-предметное содержание элементов ЯКМ соотносится с понятиями, а экспрессивно-образное и эмотивно-оценочное содержание ЯКМ генетически связано с представлениями. Первые вербализованы терминами, терминосочетаниями и прямо номинативной лексикой, а вторые – знаками вторичной и косвенно-производной номинации (метафорами, фразеологизмами, паремиями)» [Алефиренко 2008: 202].

Картина мира является последствием интеллектуальной аналитической работы человека, которая сопутствует любому его соприкосновению с реальным миром, является результатом его познавательной активности, согласующейся с объективными закономерностями мира, отражающимися сознанием. Сознание человека интерпретирует картину мира в виде идеального образа внешнего мира.

Картина мира существует в постоянном изменении. Каждое поколение преобразует полученную картину мира в свою, пользуясь своими понятиями. Картина мира, представленная в виде понятий в сознании человека, выражается материально в самых многообразных формах, важнейшее место среди которых занимает этнический язык. Г.В. Колшанский отмечает, что картина мира, которая отображена в сознании человека, является вторичным существованием объективного мира, закрепленным и реализованным в своеобразной материальной форме - языке, выполняющим функцию «объективации индивидуального человеческого сознания...» [Колшанский 2009: 87].

Язык, как «строительный материал», механически отображает картину мира, накладывая на нее свой отпечаток, т.к. сам по себе язык является неотъемлемой частью действительности и познавательной деятельности человеческого опыта [Воркачев 2010: 4].

Некоторые ученые, такие как В.И. Карасик, В.В. Катермина, А.А. Кибрик интерпретируют язык как инструмент, с помощью которого происходит концептуализация мира человеком. А результатом отражения

действительности называют концепты, или понятия. Вопрос о соотношении образа мира, существующего в сознании, и образа, закрепленного в языке, приводит к постановке проблемы о соотношении концептуальной и языковой картин мира.

В работах большинства ученых прослеживается мнение о глобальности, объемности концептуальной картины мира по сравнению с языковой [Дарамилова 2015, Карасик 1996, Катермина 2005, Лихачев 1997, Степанов 1997]. В создании концептуальной картины мира участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные. ЯКМ рассматривается как эксплицирующая концептуальное знание система [Кубрякова 1995:144, Урысон 2003: 12], которая беднее репрезентируемой концептуальной модели мира, поскольку не все концепты имеют языковую объективацию, к тому же тот или иной концепт объективируется языковыми средствами не полностью ввиду ограниченности семантического состава значения [Кубрякова 1988: 142].

Существуют различные подходы к интерпретации «языковой картины мира». Большинство ученых, признавая единство и универсальность отражаемого в сознании человека мира, все же настаивают на национальной специфичности этого отражения. Так, Ю.Д. Апресян считает, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира», который «отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995: 38].

Проблема универсальности и этноспецифичности ЯКМ во многом связана с тем, что данная картина, являясь способом эвристического освоения действительности, во многом зависит от истории этноса, от культуры в самом широком смысле этого слова (ср.: [Ахиджакова 2005; Булыгина 1997; Лихачев 1997; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012; Катермина 2005; Полищук 2004; Корнилов 2003; Маркова 2007]).

А «человеческая деятельность, включающая в качестве составной части и символическую, т.е. культурную, вселенную одновременно и универсальна, и национально-специфична. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность» [Маслова 2001: 72].

Лингвокогнитивный подход нацелен на изучение результатов освоения человеком действительности. Анализ ЯКМ осуществляется выбором значимых для жизнедеятельности человека фрагментов внешнего и внутреннего мира не зависимо от национальной специфичности.

Задачей лингвокультурного анализа является выяснение национально-культурной специфики ЯКМ, демонстрация своеобразия ЯКМ. Лингвокультурология характеризует картину мира как «целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Маслова 2001: 104].

ЯКМ предстает как комплекс суждений о мире, либо закрепленных в самом языке, в его грамматических формах, лексике, клишированных текстах (таких как пословицы), либо имплицированных в них [Бартминьский 2005: 88, Маслова 2001: 66]. Безоговорочно признавая роль всех разделов языка (синтаксиса, морфологии и даже фонетики) как источников информации о национальном складе мышления и национальном характере, все же под ЯКМ чаще понимают лексико-фразеологическую систему языка [Корнилов 2003: 106].

Особую роль играет номинативный аспект лексики в отображении картины мира и создании ЯКМ, ее непосредственное обращение к экстралингвистической реальности: «Ближе к окружающему миру находится лексика в ее номинативном аспекте - слова, именующие понятия человека о внешнем мире, так и о внутреннем его состоянии и различных диспозициях. В лексических единицах, рассматриваемых с ономаσιологической точки зрения, т.е. в их отношении к

экстралингвистическим данным (к миру и человеку), естественно зафиксированы их многообразные свойства, качества, представления» [Черданцева 1996: 120].

Трудно переоценить особую роль ФЕ в создании ЯКМ, заключающуюся «в аккумуляции национально-культурной информации. Внутренняя форма ФЕ в большей или меньшей степени может представлять большой интерес для выяснения ЯКМ и ее видения народом, говорящим на этом языке» [Черданцева 1996: 126]. Внутренняя форма идиомы способна отражать определенный фрагмент картины мира, связанный с повседневной жизнью и бытом носителей языка, их поведением, их восприятием мира, социальными и ролевыми отношениями внутри языкового социума [Черданцева 1996: 267]. Можно говорить об узкой и широкой трактовке ЯКМ и составляющих ее данных. В узком понимании «ЯКМ образуют лишь смыслы, которые входят в значения лексических единиц и фразеологизмов, а пословицы и поговорки привлекаются к рассмотрению лишь в той степени, в какой они не противоречат полученным результатам анализа собственно языковых данных» [Булыгина 1997: 35].

В настоящем исследовании пословицы и поговорки включаются в состав единиц, фиксирующих ЯКМ, поскольку в них ярко проявляется национальная специфика мировосприятия, они отражают культурные, исторические, символично-мифологические сведения, имеющие непосредственное отношение к ЯКМ. Придерживаясь широкого подхода к пониманию ЯКМ, в ней выделяют три основных составляющих: лексическую картину мира, фразеологическую картину мира, пословичную картину мира [Иванова 2004: 89].

Язык – это факт культуры, является составным аспектом культуры, который наследует народ, и одновременно является ее орудием. Культура народа вербализуется в языке, именно язык транслирует основные концепты культуры в знаковом виде – словах. Модель мира, создаваемая

языком, является субъективным образом объективного мира, несет в себе черты антропоцентризма, пронизывающего весь язык.

В.А. Маслова разделяет данную точку зрения: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [Маслова 2001: 80].

Е.С.Яковлева характеризует языковую картину мира как зафиксированную в языке и специфическую для окружающего мира, она считает картину мира своеобразным мировидением «через призму языка» [Маслова 2001: 85].

Языковая картина мира - взятое в совокупности концептуальное содержание конкретного языка [Апресян 1995: 45].

Д.Ю. Апресяном введено такое понятие как «наивная языковая картина мира». Исследователь считает, что картина мира отражает в естественном языке способы концептуализации и восприятия мира, когда «основные концепты языка формируются в единую систему взглядов, коллективную философию, навязываемую как обязательную для всех носителей языка» [Апресян 1995: 39].

Д.Ю. Апресян характеризует ЯКМ как «наивную», вкладывая в это то, что по ряду существенных отношений она отличается от «научной» картины. Наивность ЯКМ не означает примитивность, в ряде случаев отношения в ЯКМ не менее интересны и сложны, чем научные [Апресян 1995: 156].

Г.В. Колшанский отмечает, что ЯКМ основана на особенностях трудового и социального опыта каждого народа. Эти особенности, в конечном итоге, выражены в различиях грамматической и лексической номинации процессов и явлений, в сочетаемости различных значений, в

этимологии и т.д. Он пишет, что язык закрепляет разнообразие творческой познавательной деятельности человека (индивидуальной и социальной), заключающейся в том, что человек в соответствии с большим количеством условий, которые являются его стимулом в направленном познании, всегда осуществляет выбор одного из множества свойств предметов, явлений, и их связей и закрепляет его. И данный человеческий фактор наблюдается во всех «языковых образованиях, как в норме, так и в его отклонениях и индивидуальных стилях» [Колшанский 2005: 33].

Таким образом, понятие ЯКМ включает две, между собой связанные, но различные идеи: 1) картина мира, которая предлагается языком, и отличается от «научной» и 2) каждый язык рисует свою картину, которая отображает действительность по-иному, чем другие языки.

Реконструкция ЯКМ является одной из важных задач современной лингвистической семантики. ЯКМ исследуется по двум направлениям, в соответствии с указанными выше составляющими этого понятия. С одной стороны, на основании семантического анализа лексики определенного языка, проводят реконструкцию системы представлений, которая отражена в данном языке, вне зависимости от того, является ли она специфичной для данного языка или универсальной, которая отражает в противоположность «научному» «наивный» взгляд на мир. С другой стороны, осуществляется исследование отдельных характерных для данного языка (лингвоспецифичных) концептов, которые обладают следующими свойствами: для данной культуры - они являются «ключевые», т.е. дают «ключ» к ее пониманию и одновременно ряд слов практически не переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо отсутствует (например, для русских слов авось, воля, задушевность, надрыв, тоска, совестно, удаль, обидно, неприкаянный, неудобно), или такой эквивалент в имеется, но не содержит специфичных значений для данного слова (например, русские слова добираться, душа, жалость, как бы, обида, пошлость, разлука, собираться, судьба, счастье, справедливость, утро).

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается». Язык же эволюционирует медленно, поэтому языковая картина мира отражает состояние восприятия действительности, сложившееся в прошлые периоды развития языка в обществе. Семантика языковых единиц еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений, поэтому языковую картину мира иногда называют наивной [Апресян 1995]. Однако, как отмечают исследователи, за «наивностью» языковой картины мира стоит опыт десятков поколений. В частности, это касается паремиологических и фразеологических единиц, формирующих тот сегмент языковой картины мира, который более чем другие ее части отражает не современные, а преимущественно исторические представления этноса о мире.

Под языковой картиной мира (ЯКМ) понимается «отражённый средствами языка образ осмысления – реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком» [Кибрик 2002].

Языковая картина мира есть не что иное, как представление о действительности, заложенное в языке, что подразумевает языковое членение мира, основанное на значениях слов, которые содержат информацию об окружающей действительности.

Современная лингвистика выделяет языковую и концептуальные картины мира, которые непосредственно коррелируют друг с другом: концептуальная картина мира является планом содержания для языковой картины мира, а она, в свою очередь, выполняет функцию плана выражения для концептуальной картины мира. Основная сложность заключается в бесконечном множестве планов содержания по отношению к плану выражения. Языковые единицы как структурные элементы ЯКМ выполняют роль посредника между человеком и внешним миром, являясь репрезентантами концепта.

Концептуальная и ЯКМ различаются степенью изменчивости, подвижности. Концептуальная картина мира регулярно обновляется, «перерисовывается», тогда как ЯКМ отличается большей стабильностью, медленно реагируя на изменения, происходящие в осознании мира человеком в силу медленной эволюции языка и «инертности» языковой системы [Кондратьева 2011: 38] Определяя одной из основных функций ЯКМ экспликацию концептуальной картины мира, исследователи, тем не менее, высказывают мысли о несомненном обратном влиянии языка, ЯКМ на концептуальную картину мира, на способ членения действительности [Кибрик 2002], о наличии области «существенного пересечения и наложения концептуальной и ЯКМ, об их постоянном взаимодействии и взаимообогащении» [Кубрякова 1988: 144].

ЯКМ рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира [там же: 169]. Язык выражает некую систему взглядов, «коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 39, Шмелев 2004: 348], человек же «помещает себя в ту систему координат, <...> которая «задана» языком» [Кубрякова 2004: 37].

Национальная картина мира как единое целое может быть представлена в виде упорядоченной системы представлений национальной общности о мире, окружающей действительности, опосредованных языковыми составляющими. Данное опосредование связано с соотношением национального образа мира с национальными ценностями, которые представлены в национальной мифологии, философии, традиции, фольклоре и т. д. При этом именно мифология «выступает важным элементом в системе механизмов национальной идентификации, играя роль компонента национального сознания как структурообразующего фактора этноса и национального самосознания...» [Колшанский 1990: 56].

В процесс формирования национальной картины мира входит освоение территории, адаптация человека к природной среде обитания, и,

как результат, формирование образной картины осваиваемого пространства, зависящей от способа существования людей в этом мире. Формирование национальных картин мира начинается с истории и трудовой деятельности, НКМ – итог исторического развития народа. Необходимо также отметить, что изменение национальных ценностей (смена культурно-ценностных доминант в обществе) вносит изменения в национальное мировоззрение и, следовательно, способствует эволюции национальной картины мира. Таким образом, национальная картина мира существует в диахронном пласте.

Язык отражает определенный способ восприятия и организации, т.е. «концептуализации» мира. Языковая концептуализация в лингвистике в широком смысле понимается как процесс когнитивной деятельности человека, в результате которого приобретает совокупность знаний о мире, репрезентированная в языковой форме, а также вербальные способы и механизмы интерпретации новых знаний, полученных посредством языковой и мыслительной деятельности. По мысли Г. Воркачева, языковая концептуализация – это совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц; ученый установил, что она различна в разных культурах [Воркачев 2010: 84].

Национальный менталитет – это то, без чего нельзя воспринять понятие «языковой картины мира», так как именно он обеспечивает национальный образ мышления, логику, а также национальное мировосприятие.

Индивидуальная картина мира, наоборот, является продуктом сознания одного индивида и представляет из себя совокупность стабильных и изменчивых элементов, т.к. она, с одной стороны, базируется на коллективной (в том числе национальной, когнитивной и т.д.) картине мира, менее подверженной изменениям, а с другой – конкретизируется и дополняется на протяжении всей человеческой жизнедеятельности («индивидуальное в языковой личности, с одной стороны, формируется

через внутреннее отношение человека к языку, через становление личностных смыслов языка, которые определяют ее индивидуальные варианты ценностного отношения к языку. С другой стороны, языковая личность оказывает заметное влияние на становление языковых традиций» [Лютикова 1999: 11]).

Авторская (индивидуальная) языковая картина мира – видение, восприятие и оценка мира отдельной языковой личностью, выраженные языковыми средствами и являющиеся составной частью национальной языковой картины мира. «Именно в слове воплощается мысль и чувство писателя, его восприятие и оценка мира» [Никитина 1999: 4].

В индивидуальной языковой картине мира проявляются базовые категории человеческого мировидения, но в личностной интерпретации: ценностные установки, цели и мотивы субъекта [Иванова 2004:19]. В итоге получается своего рода некая модель мира в языке. С точки зрения определенного мировидения складывается весь образ мира в окружающей действительности человека.

Е.В. Черкашина указывает на то, что для того, чтобы понять языковую картину писателя, необходимо проанализировать его индивидуальную языковую систему, как образ организованной иерархической структуры, в которой и проявляется специфика индивидуального художественного мышления, видения мира и его воплощения.

Индивидуальное сознание человека представляет собой в некотором смысле проекцию общественного, однако образы индивидуального сознания могут также стать достоянием общественного сознания. В этом смысле ЯКМ во многом обогащается за счет представлений и воззрений, почерпнутых из индивидуальных картин мира – также отчасти стереотипированных, – однако обладающих потенциалом творческого преобразования действительности.

Язык, выражающий мировоззренческие константы, представляет собой систему систем, в которой все уровни языка участвуют в процессе экспликации индивидуального мировосприятия. В структуре языковой личности «важную роль играет языковая концептуализация – «... отражение мира в знаках языка (мир в языковом знании). Результат этой деятельности запечатлен в концептах – означенных смыслах, соотносимых с разными фрагментами реальной действительности» [Иванова 2004: 34].

В лингвокультурологической парадигме концепт представляет собой сущность, отражающую «дух народа». В. И. Карасик относит концепты к первичным культурным образованиям, транслируемым в различные сферы бытия человека (науку, искусство, обыденную жизнь). «Культурный концепт» в лингвокультурологии – это «отображение культуры в сознании человека». Он входит в культуру и влияет на нее с помощью имеющихся в сознании человека концептов» [Степанов 2007: 57]. Концепт ориентируется на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителей этнического сознания [Воркачев 2003]. Д. Лихачев рассматривает концепт как заместитель «каждого основного значения слова отдельно», называя его при этом «алгебраическим выражением значения, которое индивид использует в письменной и устной речи...» [Лихачев 2005: 79]. Национально - культурную специфику концепта составляют история, география и психология народов. В культурно-языковом пространстве концепты выступают в качестве «понятий жизненной философии», «обыденных аналогов мировоззренческих терминов», закрепленных в структуре языка и обеспечивающих стабильность и преемственность духовной культуры. К ним можно отнести любой вербализованный культурный смысл, отмеченный этнокультурной спецификой, независимо от ее «вклада» в национальный характер. В узком смысле концепты – это стоящие за категориями

семантические образования, которые не всегда обнаруживают адекватные эквиваленты в языковом пространстве другой культуры.

Сущность лингвокультурного подхода состоит в том, что концепт – это базовая единица культуры, ее концентрат. Ю. Степанов пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [Степанов 2007: 36].

В этом контексте культурный концепт предстает как многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны. План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков: семы, общие для всех его языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную основу и семантические признаки, связанные с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности.

В рамках культурологии концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Концепты возникают в сознании человека на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта. По мнению Ю. Степанова, именно эта особенность позволяет определять концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... то, посредством чего человек входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2007: 39].

Если предположить, что любой язык эквивалентен определенной системе концептов, при помощи которых носители воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют информацию, поступающую из окружающего мира, то вся совокупность концептов нации представляет собой национальное языковое сознание. Чем богаче

культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа. Вся информация об окружающем мире содержится в нашем сознании в виде концептов, т. е. картина мира определенного человека представляет собой их совокупность, через призму которых он ее воспринимает.

По мысли А. Вежбицкой, язык является руководством к пониманию культуры, показателем которой, в свою очередь, является лексика [Вежбицкая 1999], и именно слова становятся «бесценными ключами к пониманию культуры». В них сдержатся особые, культурно-специфичные значения, отражающие образ жизни и мышления, характерный для данного сообщества. Подчеркивается также и двусторонний характер слова – оно и отражает, и формирует образ мышления. Однако взгляды отдельного индивида «никогда не бывают полностью «детерминированы» понятийными орудиями, которые дает ему родной язык, частично оттого, что всегда найдутся альтернативные способы выражения», хотя концептуальные взгляды, в целом, определяются именно языком [Вежбицкая 1999].

ФЕ считаются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка [Гак 1999: 260], наиболее самобытным его явлением [Телия 1993: 302]. Они представляют собой наиболее «культурноносный» пласт языка [Телия 2004: 11], «аккумулируют культурный потенциал народа» [Баранов, Добровольский 2008: 251].

По мнению исследователей, в большинстве ФЕ есть «следы» национальной культуры [Маслова 2004: 69, Никитина 1999: 289, Алефиренко, Семенов 2009: 6]. Обширный материал убеждает, что целый ряд ФЕ содержит в своей семантике национально-культурный компонент [Верещагин, Костомаров 1983: 88]. Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и связана с материальной, социальной и духовной культурой языковой общности, а потому может

свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях [Телия 1996: 215]. В процессе культурной интерпретации образ ФЕ соотносится с различными пластами культуры, которые «вплетаются» в ФЕ и образуют её вторую семантику – культурную [Ковшова 2009: 92].

Итак, под языковой картиной мира понимается картина мира, сложившаяся в определенной национально-культурной общности, выраженная средствами языка. Языковая картина мира отражает менталитет народа и базируется на социокультурном историческом опыте нации. Индивидуальная картина мира также существует в сознании культурно-языковой общности и передается следующим поколениям. Кроме того, вопрос формирования национальной языковой картины мира непосредственно связан с проблемами обучения языку в культурологическом контексте.

Таким образом, следующий раздел нашего исследования посвящен рассмотрению особенностей отражения национальной языковой картины мира фразеологическими единицами русского языка.

1.2. Фразеология русского языка как отражение национальной языковой картины мира

Фразеологические обороты – это особые лингвистические образования, представляющие собой лексически неделимые, устойчивые в своем составе и структуре, имеющие целостное значение сочетания слов, которые воспроизводятся в речи в готовом виде [Алефиренко 2010: 86].

Фразеологические обороты важно разграничивать со свободными сочетаниями слов, которые по мере надобности реализуются в речи, сохраняя свое, самостоятельное значение (писать письмо; ложиться спать; читать книгу; выполнять задание и т. п.). Фразеологический оборот - это несвободное, связанное, сочетание слов, в котором отдельные слова теряют свои индивидуальные лексические значения и образуют единое

смысловое целое (рог изобилия, родиться под счастливой звездой; семь смертных грехов; выносить сор из избы; в чужой монастырь со своим уставом не ходят и т. п.)

Необходимо отметить, что в современной лингвистической науке до сих пор нет общего, единого понимания сущности фразеологической единицы и, как следствие, - отсутствует единое определение данного понятия.

Родоначальником теории фразеологии можно считать швейцарского лингвиста Шарля Балли, который впервые систематизировал сочетания слов в своих научных работах «Очерк стилистики» и «Французская стилистика», а также дал фразеологизму определение общего характера: «Сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами» [Балли 1961: 89]. Ш. Балли включил главы о фразеологии в свои труды по языковой стилистике. Он указывал на четыре типа словосочетаний.

1. Свободные словосочетания, т.е. словосочетания, лишенные устойчивости, которые распадаются после их образования.

2. Привычные сочетания, т.е. сочетания с относительно свободной межкомпонентной связью, которые допускают некоторые изменения.

3. Фразеологические ряды, т.е. группы слов, в которых два рядоположенных понятия сливаются в одно. Устойчивость таких оборотов закрепляется первичным словоупотреблением. Эти сочетания допускают компонентную перегруппировку.

4. Фразеологические единства, т.е. сочетания, в которых слова утратили свое начальное значение и выражают единое неделимое понятие. Подобные сочетания не допускают компонентную перегруппировку.

Таким образом, Ш. Балли дифференцирует словосочетания по степени их устойчивости: сочетания, в которых существует свободная группировка компонентов, и сочетания, лишенные этой свободы. Ш. Балли лишь схематически указал эти группы, не давая им подробного описания.

В своей более поздней работе «Французская стилистика» Ш. Балли анализирует привычные сочетания и фразеологические ряды как некие промежуточные типы словосочетаний и различает всего две основные группы сочетаний: свободные сочетания и фразеологические единства, т.е. сочетания слов, компоненты которых, постоянно употребляемые в данных сочетаниях для выражения одной и той же мысли, утратили любое самостоятельное значение. Все сочетание в целом обретает новое значение, которое уже не равно сумме значений составных частей.

Ш. Балли отмечает, что подобный оборот можно сравнить с химическим соединением, и уточняет, что если единство является употребительным в достаточной степени, то в этом случае сочетание равняется обычному слову. Ш. Балли ставил фразеологичность словосочетания в зависимость от наличия или отсутствия у него слова-идентификатора. Это условие, выдвинутое Ш. Балли, позже легло в основу выделения фразеологических сращений и разработки теории эквивалентности фразеологической единицы слов. Со времени Ш. Балли исследование фразеологии шагнуло далеко вперед. Но работа этого ученого, написанная в самом начале изучения фразеологии, способствовала дальнейшему развитию фразеологических исследований [Балли 1961:109].

Сам термин «фразеологическая единица» был разработан в научной практике В. Виноградовым в качестве общего названия «устойчивых сочетаний слов, реализуемых в речи в готовом виде» [Виноградов 1998: 11]. Работы В.В. Виноградова способствовали появлению ряда трудов по фразеологии различных языков и стали основой для дальнейших исследований. Помимо В.В. Виноградова неоценимый вклад в развитие фразеологии как лингвистической дисциплины внесли следующие отечественные лингвисты: О.А. Корнилов, Б.А. Ларин, А.И. Молотков, Н.М. Шанский.

Значительный вклад в научную трактовку данного термина и дальнейшее исследование основополагающих проблем фразеологии внес Н.М. Шанский.

Согласно Н.М. Шанскому, существуют следующие базовые и универсальные свойства, которыми обладают единицы языка, определяемые как фразеологические:

1. Фразеологический оборот в структурном отношении есть сложное раздельнооформленное образование, которое не равно слову (едино оформленному образованию) и представляет собой словосочетание или предложение.

2. Важнейшим свойством фразеологического оборота, отграничивающим его от свободного сочетания слов и сближающим его со словом, является воспроизводимость. Фразеологизмы не создаются в процессе коммуникации, в отличие от свободных сочетаний, которые строятся непосредственно в речи. Фразеологизмы реализуются в речи в качестве готовых целостных единиц, т. е. такими, какими они закрепились в языковой практике.

3. Фразеологический оборот отличается от свободных сочетаний слов устойчивостью, т. е. постоянством состава и закрепленным порядком следования компонентов.

4. Фразеологизмы являются значимыми языковыми единицами, которые семантически неделимы и обладают целостным значением, независимым от значений составляющих их компонентов.

5. Большую часть фразеологизмов отличает непроницаемость структуры, т.е. недопустимость каких-либо вставок между составляющих их компонентов. В тех фразеологизмах, которые допускают такие вставки, степень проницаемости структуры является не абсолютной, при этом семантика вставок не участвует в создании фразеологического значения.

6. Большинству фразеологизмов присуща образность, часто возникающая на основе переноса значения свободного словосочетания.

7. Фразеологизмы обладают особой экспрессивностью, которая основана на их изобразительно-выразительных возможностях.

Согласно определению О.А. Корнилова, фразеологизм (или фразеологическая единица) - «это общее название нескольких типов семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые всегда воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении своего значения и лексико-грамматического состава» [Корнилов 2003: 53]. О.А. Корнилов указывает лишь на три признака фразеологического оборота:

1. Переосмысление (семантическая транспозиция) лексико-грамматического состава - главный признак фразеологизма, который лежит в основе его образования и создает внутриязыковую идиоматичность, проявляющуюся в невыводимости значения конкретного фразеологизма из значения составляющих его слов и его синтаксической конструкции.

2. Устойчивость – результат фиксации за определённым словосочетанием или предложением нового, переосмысленного наполнения.

Устойчивость означает не абсолютную неизменяемость фразеологизма, а ограниченное количество его трансформаций.

3. Воспроизводимость - проявление устойчивости в речи, которое заключается в реализации фразеологизма либо в «готовом виде», либо в ограниченном количестве своих видоизменений [Корнилов 2003: 78-82].

Учитывая это разнообразие мнений касательно природы фразеологических единиц, критериев их выделения, разнородности типов несвободных сочетаний слов, лингвистический энциклопедический словарь предлагает следующую трактовку фразеологизма: «Фразеологизм - общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и

определенного лексико-грамматического состава» [Верещагин 1990:16]. Итак, в рамках традиционного подхода в лингвистической науке значительное внимание уделялось именно структурным компонентам ФЕ, их связанности, возможности считать ФЕ эквивалентными слову и т.д.

Говоря о социокультурной направленности исследований, следует трактовать фразеологизм как единицу, обладающую информацией, связанной с историей, традициями и бытом нации, в языке которой они функционируют. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что рассмотрение фразеологии в лингвокультурологическом и социокультурном ракурсе обуславливается как минимум двумя причинами: «1) методологическими установками лингвокультурологии как междисциплинарной науки и 2) своеобразием значения лексических единиц» [Алефиренко 2008: 86].

С одной точки зрения, национально-культурный компонент можно выделить лишь во фразеологических единицах, содержащих слова-реалии. С другой – фразеологизмами, имеющими национальную направленность можно считать те, возникновение и существование которых неразрывно связано со спецификой культуры, быта данного народа, с его обычаями и историей. Именно поэтому исследование фразеологии невозможно без использования данных других наук - лексикологии, истории языка, истории, страноведения, лингвокультурологии, лингвострановедения, психолингвистики, этнопсихолингвистики и т.д.

Во фразеологической картине мира наиболее ярко отражено национальное своеобразие языка, так как именно фразеологические единицы чаще всего содержат компоненты значения, содержащие информацию о национально-специфических особенностях восприятия действительности. Фразеологизмы представляют собой особые единицы языка, в которых запечатлены народная мудрость, ценностная картина мира этноса, а также знания как о внешнем действительности, так и о внутреннем мире человека» [Веренич 2012: 51]; «ФКМ – это

универсальная, свойственная всем языкам, образная система особых языковых единиц, передающих особенности национального мировидения» [Елисеева 2015: 27].

Специфика фразеологической КМ, по мнению исследователей, определяется конституциональными характеристиками ФЕ и их особым местом в системе языка: а) «универсальность (универсальным является как сам факт существования фразеологии во всех языках мира, так и главное свойство фразеологизма – невыводимость целостного значения идиомы из суммы лексических значений составляющих ее компонентов)»; б) «антропоцентризм (центром картины мира в языке, и в частности во фразеологии, является сам человек, а поэтому основным критерием актуальности и значимости обозначенных в языке фрагментов мира является его отношение к миру)»; в) «экспрессивность (основу экспрессивности фразеологической картины мира составляет образность в описании действительности)» [Хайруллина 2000: 30].

Фразеологизмы отличаются глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью, охватывают интеллектуальную сферу личности, описывают более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей языковой личности. Фразеологизмы представляют собой сгусток культурной информации и позволяют сказать многое, экономя языковые средства, добираясь до глубины народного духа культуры. Выступая в качестве вторичной номинации, фразеологизмы отличаются информационной компрессивностью в означивании реалий, отражают не только рациональную оценку, но и эмоциональное чувство-отношение, являются языковыми культурными символами, стереотипами.

Важной частью плана содержания фразеологии является образная составляющая. Свойство фразеологической образности состоит в семантической двуплановости фразеологического оборота, т. е. помимо словарного значения оборот «обладает внутренней картинкой» –

наглядным представлением, которое создается («рисуетя») сочетанием слов, составляющих фразеологический оборот» [Шанский 1985: 214].

Символически-образной основой языковой системы выступают *фразеологизмы* – специфические для национального языка устойчивые речевые обороты и выражения (включая такие фразеологические единицы, как поговорки и пословицы, речевые клише и фразеосхемы), которые мы рассматриваем в качестве концентрированного выражения национально-культурной ментальности. Культурологическая значимость и (эпистемологическая ценность) исследования данного пласта языкового сознания народа определяется несколькими факторами.

Во-первых, фразеология – это наиболее устойчивая структура языкового мира, выражающая и удерживающая его смысловое поле в историческом времени. Фразеология участвует в языковой концептуализации мира, является значимым ресурсом развития концептосферы культуры в целом.

«Идиоматика любого языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа» [Черданцева 1988: 92].

Во-вторых, образно-символический и метафорический мир смыслов целостно и глубинно репрезентирует культуру народа-носителя. Исследование фразеологических единиц позволяет проследить всю историю развития человеческого общества — от зарождения традиций и обычаев до достижений науки и техники, а также сопоставить своеобразие эволюции отдельно взятых сообществ.

В-третьих, в смысловых оттенках и метафорических глубинах фразеологии открыто и непосредственно выражается «национальный дух» субъекта культуры, что позволяет рассматривать фразеологию как «текст культуры», в максимальной степени обладающий свойствами объективности и репрезентативности.

В-четвертых, изучение ментальной специфики в контексте национальной фразеологии имеет и практическую значимость. Возникшая в последнее время тенденция к консолидации и сотрудничеству между представителями различных наций и культур вынуждает людей обращаться к истории, культуре друг друга, изучать обычаи и традиции той или иной нации, своеобразие менталитета и миропонимания. Сопоставительный анализ фразеологических единиц становится весьма актуальной проблемой и в связи с усилением напряженности и конфликтности в сфере межкультурного диалога.

Значимость изучения фразеологии определяется, прежде всего, образно-символической и смысловой нагрузкой составляющих ее концептов. Дело в том, что фразеологический концепт как многомерное ментальное образование синтезирует в себе образный, понятийный и ценностный пласты [Дарамилова 2008]. Многомерность и целостность концепта, существующая в непрерывном культурно-историческом пространстве, делает его основным способом трансляции культурного опыта.

Фразеологический состав национального языка является своеобразным банком культурных тезаурусов, который дает возможность оценить культуру нации, ее нравственные законы, этические традиции, отношение к другим народам, материальные и духовные ценности. Средствами активизации концепта служат «языковые единицы (слово, словосочетание, фразеологизм, предложение), которые в совокупности выражают концепт в наиболее полном объеме» [Карасик 1996: 226]. Образно-символические пласты фразеологических концептов максимально объемно представлены в пословицах, сентенциях, афоризмах, прецедентных текстах, сюжетах наиболее известных художественных произведений.

Национальная концептосфера имеет исторически изменчивый характер, при этом состав уже сформированных концептов остается

относительно стабильным. Национальная символика и национальная концептосфера (являющиеся составными частями понятия «национальный миф») завершают создание национального образа мира, который, в свою очередь, включает представление о национальном хронотопе, национальном образе жизни, национальном характере. Изучая национальную концептосферу, можно в конечном счете реконструировать вневременные национальные смыслы и «национальные образы мира» [Лихачев 1997: 69].

Русский фразеологизм является особым когнитивно-аксиологическим знаком, с помощью которого формируется и развивается русская языковая национальная картина мира [Буянова 2014:61].

В XXI в. на первый план в исследованиях феномена фразеологического семиозиса выходит интерпретация ФЕ как особенного этнокультурного знака в рамках когнитивно - дискурсивного направления. Фразеологизм как устойчивое выражение, как коллективная константа исторической памяти – в самом широком смысле – представляет собой семиотизированный маркер национальной специфики историко-культурного и духовно-конфессионального развития конкретного этноса, социума. Особенности ландшафта, природы, климата, быта, условий хозяйствования, традиций, обычаев, стереотипов поведения, оценок и т.д. создают ту семантико-смысловую «оболочку», содержательность ФЕ, в которой представляются уникальные для данного этноса и его культуры кванты / фрагменты знания о нём.

Особенно наглядно это демонстрируют устойчивые сравнения и поговорки разных лингвокультур. Так, одной из этноключевых семантем, вызывающих ассоциацию именно с Россией, во фразеологическом фонде русского языка выступает снег (обусловленность суровыми зимами), в русском языке отрицательная оценка очень жадного человека выражается через ФЕ «(у кого) зимой снега не выпросишь»; см. также образ снега в ФЕ «свалиться как снег на голову» и др.

Значительное число русских фразеологизмов проявляют положительные коннотации и положительную оценку репрезентируемых феноменов: «собака помнит, кто её кормит»; «боек: хоть у попа кобылу выпросит»; «смелый там найдёт, где робкий потеряет»; «мудрый как змий» и др. [Буянова 1995: 122].

Номинации растений «как символю – метафорическая основа формирования фразеологической картины мира издавна обращали на себя внимание исследователей» [Маркова 2013: 156]. Однако отдельные образы-номинации мира флоры репрезентируют в своём семантическом каркасе такие когнитивные признаки, как «пассивность», «приземлённость, привязанность к земле», «обыденность, незаметность» и др.

Фразеологизмы и поговорки национального языка в условно-образной, экспрессивно-эмоциональной форме транслируют всю систему знаний конкретного народа о мире, причём эти знания, возможно, стратифицировать на определённые тематико-когнитивные модули (фразеоконцепты), значимые для православной лингвокультуры и конфессиональной памяти: «Человек», «Мораль и нравственность», «Черты и свойства характера», «Добро и Зло», «Поведение и поступки», «Положительные оценки», «Отрицательные оценки», «Быт», «Здоровье», «Красота», «Деньги и богатство», «Мужчина», «Женщина», «Семья», «Труд» и др.

Все единицы национального фразеологического фонда в прагматическом плане выступают в качестве семиотических регулятивов, фиксирующих и отражающих в образно-символьной форме модель поведения членов социума, составляющие их внешнего облика, черты характера, традиции и обычаи народа, систему оценок всего, что формирует фразеологическое пространство «человек».

Отражая жизненный опыт и народную мудрость, духовно-православную и ценностную картины мира русских, ФЕ и поговорки отличаются экспрессивной метафоричностью, символическостью,

образностью, что обуславливается особыми семантическими характеристиками ФЕ как знака когниции. Репрезентируя православно-гуманистическую этическую систему, русские духовные ФЕ и паремии, содержащие лексический компонент «грех» и его дериваты, создают особый духовно-нравственный слой национальной концептосферы: грех не беда, молва нехороша, грех не смех, когда придёт смерть, грех не уложить в мех, грехи сладки, а люди падки и др.

В русских ФЕ и паремиях, представляющих собой этнокультурные доминанты и константы, выражено специфическое отношение русского этноса к фундаментальным категориям бытия: к деньгам, богатству и бедности. Этика православия обычно осуждает богатство, характеризуя его как грех перед Господом, если оно нажито бесчестным способом или трудом несправедливым: *Богатство человека от смерти не избавит, Богат, да не богу брат, Богатому душа дешевле гроша, Богатство – грязь, ум – золото* и др.

Перечисленные пространства являются разными интерпретациями расположения объекта описания относительно говорящего и в этом смысле они сопоставимы друг с другом. Поэтому кажется естественным называть сами эти пространства языковыми моделями, «присущими русскому языковому сознанию, а их совокупность пространственным фрагментом русской языковой картины мира» [Яковлева 1994: 224].

Русское фразеологическое пространство – это особенная форма коммуникации между поколениями, которая «транслирует потомкам в неизменном виде на протяжении многих веков основанное на опыте знание об окружающем мире, об историко-культурных и духовных ценностях, доминантах и константах» [Яковлева 1994: 226].

Проделанный нами анализ употребления пространственных ФЕ позволяет говорить, что характерной особенностью языкового отражения пространства (по сравнению, скажем, с пространством геометрическим)

является семантизация расстояния. Именно этот критерий лежит в основе выделения языковых моделей пространства.

Таким образом, языковое отражение этой «наивной философии» носит явные следы архетипических представлений о пространстве, что позволяет говорить об архетипической основе языкового отражении национальной картины мира.

В работе М.Л. Ковшовой также указывается, что социокультурный компонент фразеологизма характеризуется двойственно: не только сама по себе ФЕ инкорпорирует в свою структуру определенную фоновую информацию культурологического характера в процессе метафоризации, но и носитель языка использует и оценивает тот или иной фразеологический оборот с позиций культуры, его возрастившей: «Восприятие фразеологизма происходит в пространстве культуры, высказываемое ценностно-оценочное отношение к происходящему зависит от тех или иных приоритетов и культурных установок, которыми руководствуется коммуникант «здесь и сейчас» [Ковшова 2012: 145].

Важная роль принадлежит человеку, а точнее особенностям его мышления, и в случае рассмотрения фразеологии с когнитивной точки зрения. Процесс познания окружающего мира в соответствии с когнитивным подходом к этому вопросу представляет собой следующий процесс: «На начальном этапе познания происходит первичное освоение окружающего мира, когда человек осуществляет первичную категоризацию: узнает предметы, соотносит их друг с другом, делает необходимые обобщения, накапливая тем самым важнейшую для своей общественной жизни информацию» [Алефиренко 2008: 113]. Вслед за этим процессом наступает второй этап категоризации, в течение которого происходит «лингвокреативное преобразование концептуальной картины мира по линии интерпретирующего осмысления первоначально сложившейся системы концептов в структурах языкового сознания» [Алефиренко 2008: 113]. В качестве иллюстрации этих двух

последовательных процессов Н.Ф. Алефиренко приводит в пример выражения, представляющие собой прямую и непрямую номинацию концепта «время»: недавно, долго редко, моментально, с опозданием и без году неделя, битый час, в кои-то веки, в мгновение ока, к шапочному разбору.

Таким образом, второй этап качественно отличается от первого, поскольку его продуктом выступают более абстрактные, эмоциональные единицы с переносным значением. Следовательно, образование фразеологических выражений свойственно мышлению человека и является своеобразным средством категоризации окружающей действительности.

Нельзя не согласиться и с А.М. Бабкиным, который утверждает, что «развитие фразеологии выступает в комплексе сложных системных преобразований лексического состава языка, происходящий в тесном взаимодействии с развивающейся культурой и отвечающих требованиям познавательной и мыслительной деятельности человека» [Бабкин 1999: 152].

Итак, специфика фразеологической картины мира, по мнению исследователей, определяется конституциональными характеристиками ФЕ и их особым местом в системе языка:

а) «универсальность (универсальным является как сам факт существования фразеологии во всех языках мира, так и главное свойство фразеологизма – невыводимость целостного значения идиомы из суммы лексических значений составляющих ее компонентов)»;

б) «антропоцентризм (центром картины мира в языке, и в частности во фразеологии, является сам человек, а поэтому основным критерием актуальности и значимости обозначенных в языке фрагментов мира является его отношение к миру)»;

в) «экспрессивность (основу экспрессивности фразеологической картины мира составляет образность в описании действительности)» [Хайруллина 2000: 30].

Некоторые лингвисты подчеркивают не только этноспецифичность фразеологической картины мира, но и ее ориентацию на традиционное мировосприятие (ср.: «фразеологизмы, создававшиеся народом и отшлифованные им в течение многих веков, сохраняют в себе весь колорит и особенности развития языка и истории данного народа»; «в основе фразеологической картиной мира лежит образное видение мира, формирующееся в процессе коллективного многовекового постижения и преобразования человеком окружающей его среды» [Веренич 2012: 52]).

Согласно этой точке зрения, «национальное языковое сознание позволяет трансформировать элементы действительности в языковые пресуппозиции, которые, «обрастая» национально-культурными смыслами, перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики, отражающие соответствующие фрагменты национально-языковой картины мира» [Золотых 2007: 78].

Подобно лексическим единицам, такие фразеологизмы образуют синонимические ряды, в которые могут входить и соответствующие лексические синонимы одного ряда: оставить с носом – *оставить в дураках*, *обвести вокруг пальца*. [Розенталь 2000: 117]. Как нам представляется, фразеологический корпус любого языка является частью общей лексико-семантической системы языка. Безусловно, для описания фразеологической картины мира необходимо привлечение большого языкового материала фразеологических единиц разного типа, объединенных общностью внутренней формы и/или семантики. Именно такого рода материал рассматривается в настоящем исследовании.

Выводы по I главе

Фразеологизмы содержат в себе культурную информацию о мире, социуме, выступают средством характеристики языковой личности. Очевидно, что национальная специфика ФЕ наиболее ясно выявляется при сопоставлении разных языков.

Многие ученые считают, что фразеологизмы могут отражать национальную культуру следующим образом:

1) комплексно, то есть своим идиоматическим значением, всеми компонентами вместе, что составляет суть любой ФЕ;

2) расчлененно, то есть элементами своего состава (обычно это фразеологизмы, стержневой компонент которых содержит экзотизмы для иностранной аудитории);

3) своими прототипами – свободными словосочетаниями, описывающими определенные обычаи, праздники, подробности быта и культуры, исторические традиции в жизни народа и многое другое.

Таким образом, национальная языковая картина мира представлена во фразеологизмах не «зеркальным отражением действительности», а призмой, интерпретирующей мир в соответствии с мировидением носителей того или иного языка.

Глава II. ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНУЮ КАРТИНУ МИРА

2.1. Фразеологические единицы русского языка в лингвокультурологическом аспекте

За последние десять лет значимость фразеологизмов в современной русской речи значительно возрастает. В настоящее время фразеологические единицы оказываются обязательной частью того культурного минимума, который необходим для адекватной коммуникации на русском языке.

Лингвокультурологический аспект является основным объектом описания фразеологических единиц, наиболее полно и ярко отражающих

особенности культуры и национальное своеобразие великого русского народа.

Фразеологические единицы русского языка выбраны нами объектом описания не случайно, т.к. они представляют собой ценнейший источник сведений о культуре и менталитете русского народа. В них «зафиксированы» обычаи, нравы, ритуалы, обряды, мифы, легенды и т.п., - т.е. все, чем жил человек в далёком прошлом и что в настоящее время способствует усвоению культурной информации посредством языка и определяет национальную картину мира в целом.

Итак, ФЕ русского языка являются наиболее «представительными» единицами лингвокультурологии, так как появляются на базе «образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [Телия 1993:302].

Для лингвокультурологии базовое понятие - культурная коннотация языковых единиц. В своей работе мы попробуем выяснить сущность культурно-национальной специфики русских фразеологизмов, а также По нашему мнению, интерпретировать культурную коннотацию, заключённую в русском фразеологизме, без ранее приобретённых знаний, практически невозможно. Например, чтобы понять такой фразеологизм как «есть чужой хлеб», надо знать, что в его основу заложен архетип рассматриваемого продукта как символа благополучия, материального достатка и жизни в целом. Человек должен был добывать себе хлеб «в поте лица»; хлеб несомненно должен быть заработанным собственным трудом, если же кто-либо всё-таки ест чужой хлеб («живёт за счет других»), то подобное поведение всегда критиковалось в обществе. Так, чтобы понять сущность фразеологизма «не хлебом единым жив человек» – «нужно заботиться об удовлетворении не только материальных, но и духовных потребностей». Чтобы осмыслить такой фразеологизм как «бросать слова на ветер»– «говорить впустую», надо понимать, что в его

основе «лежит миф о том, что посредством произнесения плохих слов в течение порыва ветра можно насылать болезни» [Маслова 1997: 196]. Рассматривая значение фразеологизма «встать с левой ноги» («быть в плохом настроении»), надо взять во внимание миф, популярный ещё с античных времён в Европе и на Ближнем Востоке, суть которого была в следующем: правая сторона – хорошая, а левая – плохая. Поэтому встать после сна с левой ноги непременно сулило беду.

Таким образом, сущностью культурно-национальной оценки русских фразеологизмов является интерпретация внутренней формы фразеологизма в его знаковом культурно-национальном «пространстве».

На наш взгляд, во фразеологии можно указать на некоторые основные, области, являющиеся, по мнению В.Н. Телия, «источниками культурно-значимой интерпретации фразеологизмов» [Телия 1996: 239]. Они же интерпретируются и в книге В.А. Масловой: «На фоне объекта исследования можно выделить несколько его предметов, каждый из которых тоже состоит из отдельных лингвокультурологических единиц».

Нами были выделены следующие подобные предметы:

- объект лингвострановедения – безэквивалентная лексика и лакуны;
- мифологизированные языковые единицы: обрядово-ритуальные формы; культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке;
- паремиологический фонд языка;
- эталоны, стереотипы, символы, ритуалы;
- образы;
- стилистический уклад языков;
- речевое поведение;
- взаимодействие религии и языка;
- область речевого этикета.

Проанализируем подробно базовые понятия, непосредственно связанные с анализом культурного содержания идиом в лингвокультурологическом аспекте.

Единицы языка (слова, фразеологизмы и т.п.) – носители знаний. В самом деле, большинство составляющих идиом могут указывать на:

- этнографические реалии (*лапоть* – в идиоме *не лаптем щи хлебать*),
- архаические элементы (*зеница* – в идиоме *хранить как зеницу ока*),
- исторические элементы (*ижлица* – в идиоме *прописать ижлицу*).

Некоторые же составляющие русских фразеологизмов – лакуны в других языках (русское *бобыль* во фразеологизме *жить бобылем* означает жить в одиночестве, без семьи, во французском языке, к примеру, данное слово является лакуной, так как ему нет однословного соответствия).

Все подобные лексемы детализировано рассматриваются в лингвострановедческих словарях фразеологических единиц, пословиц и поговорок [Фелицына, Прохоров 1979; Фелицына, Мокиенко 1990] для того, чтобы показать «историю и культуру» русского народа.

Так, к примеру, анализ слова *блины* в том и другом словарях связан и с пословицей *первый блин комом*, и с фразеологизмом *печь как блины* – «делать что-либо много и быстро». Блины – национальное русское кушанье. Блины едят с маслом, икрой, сметаной, яйцами, вареньем и т.п. Первый блин часто бывает безуспешным (с трудом снимается со сковороды, получается как ком, а не лепешка), но именно по нему хозяйка определяет, «густо или жидко замешено тесто, хорошо ли прогрелась и промаслилась сковорода» [Фелицына 1979: 78].

В словаре достаточно пространно описываются *сани* и всё, что с ними связано. Описываются сани в связи с выражением «*садиться не в свои сани*» – «занять более высокое, не соответствующее своим способностям положение в обществе и т.п.».

Нам удалось выяснить, что выражение «*садиться не в свои сани*» – результат некоторого перефразирования хорошо известной русской пословицы «Не в свои сани не садись», означающей «не пытайся равняться с тем, кто принадлежит к более высокому обществу» и «не берись не за своё дело». Именно в первом, более старом, значении употребляет эту

пословицу А.С.Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке»: *«А народ-то над ним насмеялся: - Поделом тебе, старый невежа! Впредь тебе, невежа, наука: Не садится не в свои сани!»*

Широко употребляется слово *сани* и в других популярных русских пословицах: *«Готовь сани летом, а телегу зимой; Там сани хороши, где хозяин хорош»*. *«Каковы сами, таковы и сани»*. Употребление слова *сани* в русском фольклоре отражает значимость этого средства транспорта в условиях России, где зима длится очень долго.

Кроме того, этот образ запечатлён и на картинах русских художников, а также отражён в многочисленных народных романсах и песнях, в стихах и прозе русских поэтов и писателей.

На Руси существовало немало разновидностей саней – большие дорожные сани и маленькие – городские, открытые сани и сани с крытым верхом (*кибитка*), крестьянские сани (*дровни*), используемые в обиходе, и детские ручные санки для катания с гор. Катание на санях было одним из любимых увеселений на русских народных праздниках зимой, таких как святки и масленица. Эти народные традиции сохранены и обогащены и в настоящее время. Зимой во многих городах России в парках культуры проводятся «праздники русской зимы», обязательным атрибутом которых является катание именно на русских санях.

Сани сопровождали русского человека и в весёлые минуты, и в печальные. Ни одна деревенская свадьба зимой не обходилась без стремительной скачки на зимней тройке с бубенцами. В древности на санях провожали в последний путь умерших.

Итак, нам удалось выяснить, что буквальный смысл выражения *«садиться не в свои сани»* – сесть в более просторные, богаче украшенные сани, чем позволяет социальное положение данного человека. Ведь по саням, как и по летним выездам в каретах, определялся, прежде всего, социальный статус их владельца» [Фелицына, Мокиенко 1990: 125].

Таким образом, мы выяснили, что прототипы фразеологизмов могут рассказывать: о традиционной русской грамотности; о детских народных играх, о денежной системе, о ремеслах, об охоте и рыбной ловле, о русской флоре и фауне, внешнем виде человека, о его одежде и обуви, об особенностях повседневного быта и о многом другом.

Остановимся лишь на кратких пояснениях основных обозначенных нами лингвокультурологических понятий.

Миф – древняя форма познания и объяснения мира, выражающаяся в народных сказаниях о богах и легендарных героях, о происхождении жизни на земле. Мы хотим обратить внимание на то, что миф – не выдумка, а живая реальность для сознания людей, не признавая которую, трудно рассчитывать на понимание национально-культурного своеобразия многих идиом современного языка.

Так, например, *сизифов труд* означает «тяжелую и бесполезную работу». По происхождению этот фразеологизм является калькой. За оскорбление богов Зевс осудил коринфского царя Сизифа на вечные муки в царстве мёртвых: он должен был вкатывать на гору большой камень, который снова скатывался вниз. Миф пересказан в «Одиссее» Гомера (VIII – VII вв. до н.э.).

Добавим к тому, что миф является не выдумкой, а реальностью, ещё то, что «мы ничего не поймём в греческой жизни и истории, если не примем во внимание, что боги и демоны были для греков абсолютной, стопроцентной реальностью».

В основе мифологического сознания лежат архетипы, т.е. «устойчивые образы, возникающие в сознании индивида определенного языкового социума и имеющие распространение в культуре» [Сендерович 1994: 144]. Изначально в русском языке заданы такие архетипы, как *левое – правое, верх – низ, мужское – женское, далекое – близкое* и т.п.

Архетипы усваиваются народом вместе с языком. Мы полагаем, что в целом мифологическое сознание является основой культурно-языкового

поведения человека. Переход от мифологического сознания к «современному» осуществляется в основном через метафоры, в том числе и через те, которые лежат в основе устойчивых и фразеологических сочетаний (*печаль охватывает человека, ложится на сердце, горе навалилось, горе ходит по людям, горе в сердце ношу, горе заставляет плакать* и т.п.).

Архетипы обращены вглубь времени, истории человеческого сознания. *Море*, например, в русском языке является архетипом для понимания и выражения чувств (сочетания: *чувство бурлит, переполняет кого-либо, чувство выплеснулось наружу, море чувств, глубина чувства, мелкое чувство, глубокое чувство и т.п.*) Таким образом, первобытный образ, названный однажды «архетипом», всегда коллективен, т.е. он является общим для отдельных народов и эпох.

В русском языке есть немало фразеологизмов, имеющих в своей основе тот или иной архетип, например, архетип *воды* лежит в истоках двух противоположных по значению рядов фразеологизмов: *негативного* (*концы в воду* – «не осталось никаких следов, улик», *мутить воду* – «умышленно запутывать дело, создавать неразбериху», *выводить на чистую воду* – «разоблачать кого-либо, уличать кого-либо в чем-либо» и др.) и *позитивного* (*воды не замутит* – «очень скромн, тих, смирен, даже малейшего зла не сделает», *живая вода* – «то, что исцеляет от душевных недугов, даёт энергию и бодрость» и др.).

Так, на основе легенды появился фразеологизм *вавилонское столпотворение* – «беспорядочная толпа людей, суматоха, неразбериха». Выражение из старославянского языка. Из библейского рассказа о попытке строительства в Вавилоне башни (столпа) до небес. За дерзость Бог наказал строителей башни, сделав их разноязычными. Люди прекратили строительство башни, так как перестали понимать друг друга. На значение выражения позже, возможно, в русском языке оказало влияние близкое по звучанию слово «столпиться».

По нашему мнению, для раскрытия культурного содержания идиом важно представить описание стереотипов, символов, эталонов, ритуалов.

Так, в лингвистике более всего установилось «феноменологическое понимание символа как вещи, наделенной смыслом». [Буянова 1995]

В структуре идиом у отдельных компонентов вырабатывается символическое значение. *Нести крест* – «терпеливо переносить страдания, невзгоды, мириться со своей печальной участью», где *крест* – символ страдания, восходящий к евангельскому рассказу о том, как Иисус нёс крест на место распятия. *Держать возжи в руках* – «сосредоточить в своих руках власть, руководство», *отбиться от рук* – «стать непослушным» – в этих фразеологизмах у компонента *рука* определяется символическое значение «власть»; *быть чьей-либо правой рукой* – «быть первым помощником», *протянуть руку помощи* – «оказать помощь кому-либо» – в этих фразеологических единицах у компонента *рука* развивается символический смысл «помощь».

Эталоны – это то, в чём образно измеряется мир, которые обычно существуют в языке в виде образных сравнений: *глуп, как пробка; злой, как собака; здоров, как бык; тонкий, как былинка; толстый, как бочка; работать, как негр; пьяный, как сапожники др.*

Таким образом, *эталон* – это устойчивое сравнение свойств человека или предмета со свойствами какой-либо реалии. В качестве реалии может выступать как человек, так и вещь, которые с точки зрения обиходно-культурного опыта людей являются знаком доминирующего в них свойства: баран – глупый (*глупый как баран*), медведь – неуклюжий (*неуклюжий, как медведь*), заяц – трусливый (*трусливый, как заяц*), лиса – хитрая (*хитрый как лиса*) и т.п. Основания таких устойчивых сравнений составляют один из важных культурных кодов в определённом культурном социуме и традиционно воспроизводятся в каждом поколении.

Стереотип, в отличие от эталона, – это тип, существующий в мире, он измеряет деятельность, поведение и т.п. Стереотипы поведения как

важнейшие среди стереотипов могут переходить в ритуалы. Разница между ними в том, что при реализации стереотипов человек может не осознавать целей, ради которых действие совершается.

Посредством ритуалов поддерживаются общие культурные нормы и ценности народа. Например, ритуалы, закрепленные во фразеологических единицах: *преподнести хлеб-соль кому-либо* – «Оказать почести при встрече гостей», в этом фразеологизме закреплён ритуальный обряд: при встрече почётных гостей русские люди преподносят «хлеб-соль» – каравай хлеба и солонку с солью; *класть в гроб (могилу)* – «хоронить умершего», значение фразеологизма объясняется обрядом захоронения покойников и т.п. Обряд при этом понимается как определённые действия, установленные обычаем или ритуалом и воплощающие какие-либо религиозные представления, бытовые традиции и т.п.

Например, *фразеологизм пойти под венец* – «жениться или выйти замуж», значение фразеологизма объясняется церковным обрядом возложения венца на голову жениха и невесты.

Итак, главным для анализа культурного содержания идиом является расшифровка мифов, архетипов, символов, стереотипов, эталонов, ритуалов и т. д. – образа мыслей, образа жизнедеятельности обычных индивидов русского языкового социума, интерпретация базовых ключевых универсалий в национальной языковой картине мира. Таким образом, мы пришли к следующим *выводам*:

- в изучении фразеологизмов необходимо разграничивать лингвострановедение и лингвокультурологию;

- в лингвострановедении большей частью объясняются собственно национальные факты материальной, социальной или духовной культуры, но мало показывается соотношение фразеологических единиц с концептами национальной или общечеловеческой культуры;

- в лингвокультурологии настоящими кодами культуры являются значения мифов, легенд, обрядов, обычаев, символов, стереотипов, эталонов, ритуалов и т.п.

Следовательно, культурные сущности, усваиваемые человеком с детства, в той или иной степени лежат в основе понимания национальной языковой и индивидуальной картин мира. Фразеологические единицы воплощают в себе культурные сущности обычно в национально-самобытной форме. Именно поэтому интерпретация культурно-национальных коннотаций фразеологических единиц «нацеливает» на понимание сущности национальной языковой картины мира.

2.2. Анализ культурно-национальных особенностей фразеологических единиц русского языка

Поскольку анализ национальной языковой картины мира играет важнейшую роль в изучении мировоззрения какого-либо народа, рассмотрим фразеологические единицы, несущие в себе культурные аспекты в национально-самобытной форме. В данной работе мы используем классификацию фразеологизмов на основе их происхождения.

В лингвокультурологическом аспекте нами рассмотрены единицы различных фразеологических разрядов, но в основном – *идиомы* постольку, поскольку они больше всех содержат культурную информацию.

На первом этапе лингвистического исследования мы рассмотрели некоторые ФЕ, которые были распределены по следующим тематическим группам, отражающим национальную картину мира:

- обиходно-эмпирический опыт народа;
- сфера материальной культуры;
- исторический опыт народа.

Для анализа ФЕ первой группы нами были рассмотрены ниже представленные фразеологизмы, в количестве 10 единиц (3,1 %).

Лезть на рожон - «сгоряча, торопливо и нерасчётливо идти на риск или навстречу опасности». Рожон - это заострённый кол, рогатина.

Внутренняя же форма данного фразеологизма связана с ситуацией охоты на медведя, когда разъярённый зверь лез на выставленный охотником рожон – широкий нож. Здесь имеется в виду, что при другом поведении такой опасности можно было бы миновать.

Заварить кашу (собственно русское выражение) – «создать своими действиями сложную и неприятную обстановку» – понимается ситуация, в которую вовлекается большое число людей. Часто имеются в виду бездумные, неправильные действия и поступки. Данное выражение возникло посредством переосмысления слова *каша* в значении «званный обед, праздник по поводу именин или свадьбы» в «беспорядок, суматоху, сумятицу, путаницу» [см.: Шанский, Филиппов 1995; Мокиенко, Степанова 1998].

Знать себе цену (собственно русский фразеологизм)– «правильно оценивать свои возможности, достоинства». Культурная мотивация сути этого фразеологизма определяется практикой найма на работу: тот, кто знает себе цену, не станет унижаться, не продешевит.

На сон грядущий (собственно русский фразеологизм) – «шутл. перед сном», употребляется с XIX века. Первоначально *на сон грядущим* (буквально «идушим ложиться спать») объясняется названием раздела молитв, читаемых перед сном.

Зубы заговаривать/заговорить кому-либо (собственно русский фразеологизм) – «отводить внимание от чего-то, отвлекая разговорами». Мотивация значения здесь обосновывается лечением болезней (в частности, зубов) заговорами.

Наломать дров (собственно русское выражение) – «наделать глупостей, ошибок». Здесь *дрова* – в значении «хворост, валежник», который не рубят, а ломают, что получается неаккуратно.

Золотые руки – «мастер своего дела, очень искусный в своём деле человек». Так говорят о том, кто умеет делать всё, за что ни возьмётся.

Не ударить в грязь лицом – «не осрамиться, показать себя с хорошей стороны». Этимологически восходит к дракам и к соревнованиям борцов, в которых случалось, что слабого соперника опрокидывали ничком на землю.

Обвести вокруг пальца кого-либо - «ловко обмануть, перехитрить кого-либо». Внутренний образ фразеологизма объясняется жульничеством базарных иллюзионистов. Фокусник брал у кого-либо какой-нибудь предмет и обводил им вокруг пальца для отвода глаз. В это время его сообщники очищали сумки и карманы зазевавшихся зрителей.

Несолоно хлебавши (уйти) (исконно русское выражение) – «не достигнув цели, не получив удовлетворения». Предполагается, что фразеологизм связан с внимательным отношением к соли на Руси. Угощая, солили пищу, чтобы задобрить гостей, которых уважали. И, наоборот, тем людям, которые были безразличны, пищу подавали пресную.

Далее нами были рассмотрены и проанализированы примеры фразеологизмов, обращенные к *сфере материальной культуры*, в количестве 10 единиц (3,1 %)

Попасть впросак (собственно русское выражение) – «по своей оплошности оказаться в неудобном, невыгодном положении». Просак – это станок, необходимый для скручивания веревок, и если в такой станок попадала одежда рабочего, то он, в буквальном смысле, оказывался в неудобном положении.

Мастер кислых щей – «прост. неважный, плохой мастер». Мотивация значения этого фразеологизма трактуется тем, что кислые щи (крестьянские щи), готовить которые не представляло больших трудностей.

Тянуть канитель (бывший термин мастеров золотошвейного дела) – «неодобр. о медленном, нудном, затяжном деле или разговоре, о досадной

потере времени». В старину серебряные, медные и золотые нити для офицерских эполет, церковных риз и для вышивки по бархату изготавливали вручную, кустарным способом. Процесс этот был нудным и длительным (отсюда и переносное значение). Для этого раскаляли металл и осторожно вытягивали клещами тонкую проволоку, которая называлась *канитель*.

Ставить/поставить (класть/положить) во главу угла – «считать, признавать что-либо главным, основным, особенно важным». Значение этого фразеологизма связано с традицией во время строительства ставить под углы дома надёжные опоры (каменные столбы, большие камни и т.п.).

Тёртый калач (собственно русское выражение) – «об опытном человеке, которого трудно обмануть». Сущность этого фразеологизма объясняется тем, что изделие под названием *тёртый калач* выпекают из очень крутого теста, которое долго мнут и перетирают.

Плести кружева – «говорить сложно, витиевато, не доходя до сути; злословить, сплетничать». Суть фразеологизма заключена в метафоризации буквального процесса плетения кружев.

Вить верёвки из кого-либо (собственно русское выражение, связанное с производством верёвок) – «заставлять кого-либо поступать по своему желанию, подчинять своей воле». Значение данного фразеологизма объясняется образным переосмыслением его исходной формы.

Охулки на руку не положит – «не упустит своей выгоды». Здесь подразумевалось, что кто-либо не допустит, чтобы хулили работу, сделанную его руками.

Не покладая рук работать, трудиться (собственно русское выражение) – «беспрерывно, с усердием, не переставая» (говорится с одобрением). Содержание фразеологизма объясняется тем, что работники физического труда, отдыхая, кладут натруженные руки на стол, на скамью, на подлокотники кресла, на колени и тем самым отдыхают.

Довести до белого каления – «сильно рассердить кого-либо, лишить самообладания». Значение фразеологизма происходит от образного

переосмысления кузнечной обработки металла: металл при нагревании перед ковкой делается красным, затем светлым.

В русском языке значительное количество фразеологизмов, связанных так или иначе *с историческим опытом народа*. Мы проанализировали лишь те фразеологизмы, в которых отражается история, понимаемая как совокупность фактов и событий, относящихся к прошлой жизни (15 единиц, 4,7%)

Мамаево побоище – «крупная драка, ссора; разгром, беспорядок». *Побоище* – поле битвы после боя, а также само сражение. Значение фразеологизма произошло от имени татарского хана Мамаю, совершившего опустошительное нашествие на Русь и разгромленного русскими войсками в Куликовской битве (1380 г).

Погиб, как швед под Полтавой – «прост. 1) попасть в безвыходное положение, оказаться беспомощным», 2) «нравственно, морально опуститься». Этот фразеологизм отражает память о Полтавском сражении, в котором русская армия под командованием Петра I победила шведскую армию Карла XII.

Казанская (казанский) сирота (собственно русское выражение) – «ирон. о человеке, прикидывающемся обиженным, несчастным». Изначально так говорилось о татарских князьях, которые после покорения казанского царства русскими старались получить от русских царей всевозможные поблажки, жалуясь на свою горькую участь.

Потёмкинские деревни (собственно русское выражение) – «книжн. обман, очковтирательство, показной блеск чего-нибудь при неблагоприятном состоянии дел». Это собственно русское выражение. Употребляется с конца XVIII – начала XIX в. Мотивация значения этого фразеологизма идет от имени Г.А. Потемкина (государственного деятеля времён Екатерины II), который после присоединения Крыма к России совершил поездку в Крым с императрицей Екатериной II. Потёмкин приказал строить на пути императрицы показные селения с расписными

избами, выставляя празднично одетых людей и т.п. с целью показать императрице процветание новой территории.

Филькина грамота (собственно русское выражение) – «прост. фальшивый или не имеющий силы документ». Это собственно русское выражение. Филька – глупый, недалёкий человек. Возникновение данного фразеологизма относят к царствованию Ивана Грозного, который преследовал Московского митрополита Филиппа, выступавшего против бесчинств царя: царь презрительно называл разоблачительные послания митрополита Филькиными грамотами.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! (собственно русское выражение)-«Выражение разочарования из-за неудачи в каких-нибудь непредвиденных обстоятельствах». В.И. Даль отмечал, что мотивация значения фразеологизма связывается с отменой права перехода крестьян от одного хозяина к другому, что было и без того ограничено и могло происходить только за неделю до Юрьева дня и неделю после. По нашему же предположению, в осенний Юрьев день, после окончания сельскохозяйственных работ, хозяева рассчитывались с наёмными работниками и обычно обсчитывали их. В это же время возникло слово *объегорить* с четкой семантикой «обмануть».

Как Бог на душу положит (собственно русское выражение) – «произвольно, как получится». Мотивация значения фразеологизма объясняется тем, что царские суды в Москве, в Приказе большого Двора, решал сам государь, который почитался Божиим помазанником и судил, как «Бог ему на сердце положит».

Во многих фразеологизмах, выбранных нами для анализа, так или иначе, зафиксированы факты и события, связанные с конкретными историческими лицами, их поступками и высказываниями, в которых непосредственно отражается, по нашему мнению, *национальная картина мира*.

Пришел, увидел, победил – «о быстрой победе, скором решении какого-либо дела». Этот фразеологизм представляет собой кальку с латинского *veni, vidi, vici*. По свидетельству Плутарха и Светония, эти слова Юлий Цезарь сказал одному из своих друзей в связи с быстро одержанной победой над понтийским царём Фарнаком в 47 г. до н.э.

Жребий брошен! – «книжн. Окончательное решение принято, пути назад нет». Это фразеологизм представляет собой калькус латинского *alea jacta est*. Юлий Цезарь произнёс эти слова, приняв смелое решение выступить против римского сената.

Святая простота (фразеологизм-калька с латинского *o sancta simplicitas*) - «о человеке простодушном, наивном до глупости». Приписывают Яну Гусу, осуждённому на сожжение, который будто бы произнёс эту фразу на костре, увидев, как какая-то старушка в простодушном религиозном послушании бросила в костёр охапку принесённого ею хвороста.

Окно в Европу (собственно русское выражение) – «о Петербурге, с основанием которого Россия приобрела выход в Балтийское море». Выражение происходит от слов итальянского писателя Альгаротти: «Петербург – это окно, через которое Россия смотрит в Европу» («Письма о России»). Данное выражение активно вошло в употребление после публикации поэмы А.С.Пушкина «Медный всадник» (1834 г.).

Некоторые фразеологизмы были рассмотрены нами как исторические потому, что в них отражены факты прошлого, которые в современной жизни не наблюдаются, от них остался только «след» в народной памяти. Эти фразеологические единицы также достаточно полно определяют понимание национальной языковой картины мира.

По первое число (всыпать) – «сильно, строго наказывать кого-нибудь». В старых школах учеников пороли независимо от того, виноват или не виноват ребенок, каждую неделю. Если пороли сильно, то этой

порки хватало на последующие недели, вплоть до первого числа следующего месяца.

Прокатить на вороных кого-либо (собственно русское выражение, возникшее посредством образного переосмысления) – «устар. провалить на выборах, забаллотировать кого-либо». При голосовании в урну опускали белые и чёрные шары. Чёрные шары означали голоса против. Вороные – лошади чёрного цвета. Не без влияния приметы: Вороних коней под жениха с невестой в поезд не берут («Словарь» В.И.Даля).

Под спудом (исконное (не заимствованное) выражение) – «без применения, без употребления, в бездействии». Древнерусское спуд – сосуд, колпак, благодаря которому тушились свечи, светильники; позже – скрытое место, тайник (зарегистрировано в «Словаре Академии Российской» 1794 г.).

Зарубить на носу что-либо (собственно русское выражение) – «запомнить крепко, навсегда». Первоначально означало «поставить зарубку (отметину) на нос – то, что имели с собой, при себе».

Таким образом, мы пришли к следующему *выводу*: во всех фразеологизмах, приведенных нами выше, так или иначе отражаются национальные черты русского народа, его истории, конкретных действий людей, обычаев и др., т.е. то, что непосредственно связано с определением национальной языковой картины мира.

Следует отметить, что в языке реализуются фразеологизмы, в плане выражения которых отсутствуют национальные черты.

Д.О. Добровольский считает, что «с интуитивной точки зрения не вполне ясно, почему мы должны усматривать некую национальную или культурную специфичность в таких идиомах, как *лезть на стенку, качать права, не моргнув глазом*» [Добровольский 1997: 37].

Однако подобные фразеологизмы, сформированные чаще всего на образно-метафорической основе, так или иначе, участвуют в формировании *национальной языковой картины мира* и тем самым

являются по сути дела основанием национальных культур. Так, в работах В.Н. Телия отчётливо прочитывается мысль, что «культурно-национальная специфика идиом усматривается в том, что их семантику можно интерпретировать в терминах культуры, которая признается национальной по сути» [Телия 1996: 214].

Мы считаем, что *национальную культуру* можно усматривать во фразеологии ещё и потому, что сущность фразеологизмов интерпретируется чаще всего с позиции ценностных установок, свойственных менталитету того или иного народа.

Дадим этимологическое пояснение фразеологизма *плевать в потолок и валять дурака*. Выражение *плевать в потолок* является базовым от *поплёвывать в потолок* – «заслуженно отдыхать после длительных тяжёлых работ». Крестьянин во время отдыха лежал на печи или на полатах, покуривая, сплёвывал с губ табачные крошки. Полаты находились близко к потолку, место лежания на печке тоже. Если же крестьянин долго залёживался, то ему говорили «*хватит плевать в потолок*».

Глагол *поплёвывать* изменился в *плевать*, а семантика всего фразеологического оборота *поплёвывать в потолок* – «заслуженно отдыхать...» изменилась в «лодырничать, ничего не делать», что и выражается фразеологизмом *плевать в потолок*, который в русском национальном менталитете содержит элемент негативного отношения к лодырничеству.

Фразеологизм *валять дурака* – означает «бездельничать», происходит от детской забавы с игрушкой-неваляшкой, обычно представляющей собой Иванушку-дурачка, которого и пытались повалить. Просторечный вариант этого фразеологизма *валять Ваньку*. Эта игра-забава ассоциировалась с пустым времяпровождением. Другое значение *валять дурака* – «притворяться непонимающим, глупым» появилось под впечатлением несуразности такого занятия для взрослого человека.

Сравним с предыдущими фразеологизмами другие фразеологизмы, например, *лежать на печи и сидеть сложа руки*, выражающие значение, которое означает такие действия, которые в русском народе вызывают осуждение.

Таким образом, мы можем сделать *вывод* о том, что выявление национальной специфики фразеологизмов, становится более очевидным при сравнении с фразеологизмами другого языка. Такой подход к выявлению национально-культурной специфики Д.О. Добровольский называет *сравнительным*.

Однако, план выражения многих фразеологизмов, не обнаруживающих никаких национальных черт, влечёт за собой рассмотрение фразеологизмов в аспекте культуры через посредство своих образно-метафорических внутренних форм, обычно специфичных в разных языках, а также – ценностных установок, тоже специфичных в различных языковых социумах.

Такая система находит своё выражение в соотнесении и с эталонами и стереотипами, характерными для менталитета русского народа. Например, ассоциативно-образное восприятие такого фразеологизма как *ни рыба ни мясо* связано в понимании русского человека со стереотипом – это что-то среднее между мясом и рыбой, т.е. ни то, ни другое. Отсюда и значение «ничем не выделяющийся, посредственный человек».

Следовательно, в описании национально-культурного содержания фразеологических единиц главный вопрос состоит в том, что считать национально-культурной спецификой. Мы полагаем, что в решении этого вопроса не должно быть крайностей, как и в понимании содержания культуры в целом.

Рассмотрение содержания «культуры» позволяет нам при помощи этого термина зафиксировать общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни как таковых,

качественное своеобразие исторически конкретных форм этой деятельности при различных этапах общественного развития в рамках определенных эпох.

Культурное содержание фразеологизмов будет представляться по-разному, независимо от того, будем ли мы связывать его со значением так называемых слов-реалий типа *самовар, лапти, щи* в составе фразеологизмов и мы *не лаптем щи хлебаем, в Тулу со своим самоваром не ездят* и т.п., или будем «видеть», каким образом фразеологизмы участвуют в формировании языковой картины мира, являясь по сути дела основанием национальных культур.

Таким образом, мы пришли к *выводу* о том, что русские фразеологизмы, отражая элементы культуры, связаны с очень многими областями человеческой жизни и в полной мере отражают специфику национальной языковой картины мира. Поэтому, на следующем этапе классифицировать фразеологические единицы мы будем в зависимости от компонентов, входящих в структуру фразеологизмов и принадлежащих к той или иной области человеческой жизнедеятельности, как отражение НЯКМ.

Мы полагаем, что для понимания культурной коннотации фразеологических единиц необходимо провести интерпретацию образного основания внутренней формы фразеологизмов в тематическом «пространстве» русского языкового сообщества. Рассмотрим более подробно фразеологические единицы, относящиеся к наиболее важным областям.

Классификацию ФЕ дадим в зависимости от компонентов, входящих в структуру фразеологизмов и принадлежащих к той или иной области человеческой жизнедеятельности.

Первая тематическая группа, проанализированная нами - «*Предметы одежды*»: лапти, подмётки, подол, юбка, сапоги, кафтан, сорочка, пояс, шапка (12 ФЕ, 3,8 %)

Ланти. Лантем щи хлебать – так говорят «о невежественном, отста-лом человеке». *Не лантем щи хлебать* – «быть не хуже других». Культурные коннотации фразеологизма связаны с компонентом *ланти* – «обувь, плетеная из лыка, бересты, верёвок, которую прежде носили крестьяне». Это была очень простая обувь бедных людей. Аристократы такую обувь не носили. В дальнейшем у слова *лапоть* развилось производное качественно характеризующее значение – «прост. о невежественном, отсталом человеке».

Подмётки. В подмётки не годится (восточнославянское выражение, производное от *не годится и в след ступить кому-либо*) – «значительно хуже по сравнению с кем-либо (о человеке)».

Подол. За подол держаться – «быть не самостоятельным в своих действиях». Суть фразеологизма мотивируется образом маленького ребёнка, который держится за подол маминой юбки.

Юбка. Держаться за (бабью) юбку – «быть в подчинении у женщины, в полной зависимости от неё. О мужчине». Означает негативную оценку, неодобрение.

Сапоги. Два сапога пара – «похожи друг на друга, обычно по своим отрицательным свойствам и качествам, стоят друг друга, один другого не лучше».

Кафтан. Тришкин кафтан (собственно русское выражение) – «ситуация, когда устранение одних недостатков влечёт за собой возникновение других». Так, для починки продранных локтей кафтана Тришка обрезал его рукава, а чтобы надставить рукава обрезал и полы.

Сорочка. Родиться в сорочке – «быть везучим, удачливым». Согласно старым религиозным представлениям, когда душа сходит на землю, чтобы принять человеческий облик, за нею следует её дух-хранитель; сначала он пребывает в сорочке, которой иногда обвита голова новорождённого.

Пояс. Заткнуть за пояс (собственно русское выражение) – «намного превзойти кого-либо в чём-либо», объясняется приёмами борьбы – затыкать руки за пояс противника.

Шапка. Дать по шапке (просторечное): 1) наказать за проступок. 2) уволить, выгнать за плохую работу, за плохое поведение. Происходит, вероятно, от старого обычая срывать публично шапку с мошенников в знак их обличения. Ср. *опростоволоситься* (разговорное) «допустив какую-либо оплошность, промах, оказаться в неловком, невыгодном, смешном положении». Ранее мужчине без головного убора (простоволосым) появляться в общественном месте не полагалось, т.к. считалось неприличным. Но в помещении шапку полагалось снимать в обязательном порядке. Опростоволоситься мужчина мог и в обоюдной драке, что ещё не считалось большим позором. А вот если на сходке возникала общая потасовка и с кого-то сбивали шапку, это уже считалось неприличным и позорным.

Шапка. По Сеньке и шапка – «каждый получает то, чего он заслуживает, чего достоин, что соответствует его положению». Здесь отразился намёк на высоту шапки как свидетельство сословных достоинств (высокие боярские шапки); Сенькой же называли на селе не очень-то уважаемого человека.

Шапка. На воре шапка горит (исконное, не заимствованное) выражение)– «о провинившемся человеке, который сам себя выдает».

Шапка. Ох, тяжела ты, шапка Мономаха! (собственно русское выражение). Так говорили «о тяжелых обязанностях кого-либо». Из трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов» (1825г.). Древнегреческое Мономах означает «единоборец». На Руси её носил великий князь киевский Владимир (начало XII в.), от которого вели своё происхождение всемосковские цари. Так, шапка *Мономаха* – головной убор, представляющий собой символ царской власти.

Таким образом, ФЕ данной тематической группы довольно употребительны в русском языке и нацеливают на понимание национальной языковой картины мира. Слова в структуре фразеологизмов этой группы (*лапти, подмётки, подол, пояс, сапоги, шапка, кафтан, юбка*) отражают особенности исконно русской одежды; а лапти и сапоги в России исконно национальная обувь.

Рассмотрим следующую тематическую группу - «*Пицца*» в количестве 11 ФЕ, 3,4 %.

Каша. Кашу не сварить с кем-либо (собственно русское выражение) – «не сговоришься с кем-либо, не сделаешь дела». Фразеологизм происходит, вероятно, от каши, которую варили на всю артель, причём каждый член артели должен был вносить в общий «котёл» свой вклад. Кто не хотел принимать участие в этом, с тем было очень трудно договориться о чём-либо.

Калач. Калачом не заманишь (собственно русское выражение) – «никакими средствами не заставишь кого-либо зайти, заехать куда-либо». *Калач* – вид пшеничной булки, лакомство.

Калач. Тёртый калач (собственно русское выражение) – так говорят «об опытном человеке, которого трудно обмануть». Пшеничное изделие под названием тёртый *калач* выпекается из крутого теста, которое долго мнут и трут.

Калач. Доставаться на калачи – имеется в виду «доставаться основательно, как следует». Так говорят обычно с иронией о наказании, взбучке и т.п. На Руси на калачи давали деньги детям родители, а калачи считались их любимым лакомством.

Лепёшка. Разбиться в лепёшку – дословно «приложить все усилия, сделать почти невозможное для достижения или осуществления чего-либо». Мотивация значения фразеологизма основана на образе плоского круглого изделия из печёного теста – *лепёшки*.

Квас. Перебиваться с хлеба на квас – означает «жить в крайней бедности». В крестьянской России хлеб и квас были самыми дешёвыми продуктами питания. Поэтому употреблять только эти продукты означало жить очень-очень бедно.

Редька. Надоесть как горькая редька – означает «надоесть невыносимо, очень сильно». Мотивация этого компаративного фразеологизма объясняется образом корнеплода с толстым и светлым корнем, с острым вкусом и запахом – *редьки*. Безусловно, частое поедание редьки, рано или поздно надоедает.

Репа. Проще пареной репы – в значении «очень просто». Говорят с пренебрежением по отношению к тому, что характеризуют. Репа ранее составляла один из главных видов пищи русских крестьян, которую очень просто было готовить: её ставили в печь в горшке, и она там пеклась в собственном соку. Поэтому и значение фразеологизма мотивируется образом репы.

Каша. Мало каши ел – в значении «недостаточно силён». Говорится чаще в шутку о том, у кого не хватает физических сил для выполнения какой-либо работы. А когда детей кормят кашей, приговаривают, чтобы они больше ели каши, чтобы быть сильнее и побеждать. Если ребенок проигрывает, померившись силой с более сильным противником, то ему так и говорят «мало каши ел».

Бобы. Гадать на бобах (собственно русское выражение) – означает «строить сомнительные предположения», восходит к гаданию на бобах. Данный фразеологизм употребляется с оттенком пренебрежения, т.к. такое гадание не очень-то себя и оправдывало.

Бобы. Бобы разводить (собственно русское выражение): 1) «тратить время попусту, заниматься пустяками»; 2) «вести пустые, бесполезные разговоры». Также происходит от гадания на бобах, которые раскидывали и в зависимости от их расположения предсказывали будущее.

Таким образом, в данной тематической группе русский народ запечатлел названия слов во ФЕ в результате определённых условий жизни. Так, крестьянин в эпоху крепостничества жил очень бедно, основными продуктами питания служило то, что он мог произвести своими руками: собрать урожай репы, бобов, капусты и т.п.; выпечь хлебные изделия (блины, лепешки, калачи), сварить кашу. С наименованиями этих продуктов в русском языке существует огромное количество фразеологических единиц, что также определяет специфику репрезентации национальной языковой картины мира.

Следующая к рассмотрению тематическая группа – *«Денежная система (4 ФЕ, 1, 5%)»*

Рубль. За длинным рублем (погнаться, поехать, охотиться) - означает «прост. за большим, но легким заработком».

*Грош. Ни гроша за душой (нет)у кого-либо (собственно русское выражение) - «человек очень беден, не имеет никаких денег, даже самых мелких»; вариант фразеологизма за душойу кого-либо ничего нет. Употребляется в русском языке примерно с XVIII в. Душа (устар.) - ямочка (углубление) между ключицами на шее, где, по народным представлениям, помещалась душа человека. Здесь же, на груди, за пазухой, «за душой», хранили деньги. Грош – название монеты - имеет запутанную историю. Так в Западной Европе называли большие монеты, а на Руси - монету в 2 копейки. После 1815 года грош в России стал равняться полукопейке (полушке), в это время и слились по значению обороты *ни гроша и ни полушки*.*

Копейка. Ни копейки за душой – «человек не имеет никаких денег, даже самой мелкой денежки, очень беден». Вариант фразеологизма – ни копейки (нет) у кого-либо.

Алтын. Не было ни гроша, да вдруг алтын – пословица употребляется в ситуации неожиданной удачи или радости после невезения, нехватки в чём-либо. Алтын– денежная единица достоинством

в 3 копейки. Слово *алтын* в настоящее время полностью вышло из употребления.

Следующая тематическая группа, рассмотренная нами – «*Меры измерения* (7ФЕ, 2,2 %).

Аршин. Мерить на свой аршин – «неодобр. Судить о чём-либо или о ком-либо в соответствии со своими представлениями». В России аршин был центральной метрической единицей, которая сменила предшествующий ей локоть, который до конца XV века считался официальной торговой и народной бытовой мерой. Выражение *мерить на свой аршин* включает в себя слово *аршин* в значении «деревянная или металлическая линейка или палка длиной в аршин».

Аршин. Видеть на три аршина в землю. – означает «отличаться большой проницательностью, прозорливостью». Данная ФЕ воспринимается как шутивная гипербола, т.к. видеть под землей, да ещё на глубине в три аршина (более 2 м) просто невозможно.

Пядь. Семи пядей (пяденей) во лбу – «об очень умном человеке». Выражение возникло на основе гиперболы из представлений, что по высоте лба можно судить об умственных способностях человека. Старинная мера длины *пядь (пядень)* равнялась расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев (меньшая пядь) или большого и среднего пальцев (большая пядь), т.е. 18-20 см. Число «семь» в выражении использовано не случайно: в народном языке оно имело особое, магическое значение.

Пядь. Ни пяди земли (не отдать, не уступить) – «даже самой малой части, отстаивая свою землю». Это выражение особенно являлось актуальным в периоды войн, и было своеобразной мерой патриотизма русских людей, защищавших свою землю.

Вершок. От горшка два вершка – имеется в виду, что «очень мал ростом кто-либо». *Вершок* – старая русская мера длины, равная 4,4 см. Выражение употреблялось обычно в шутивной или иронической форме, в

нём подчеркивался не только маленький рост (обычно ребёнка или подростка), но и щедрость, щуплость, слабость маленького человека. Выражение собственно русское, создано посредством стилистической фигуры – литоты (преуменьшения).

Фунт. *Знать, почем фунт лиха* – дословно означает «испытать в полной мере горе, трудности». Слово *почём* здесь употребляется в разговорной речи в значении «за какую цену?» *Лихо* же означает зло, несчастье, постоянные неудачи. В русских сказках *Лихо Одноглазое*, представлялось мифическим существом, приносящим людям несчастье, которое жило в железном замке, окружённом частоколом из человеческих костей и черепов. *Фунт лиха* – это символическая мера бед и несчастий, переживание которых достаётся человеку большой ценой. Узнать эту цену – значит испытать беды и несчастья на собственном опыте. *Фунт* как мера веса в старину (до введения метрической системы) равнялся 409,5 г.

Фунт. *Вот так фунт!* – это «выражение удивления и разочарования».

Возможно, происхождение этого выражения было следующим. До недавнего времени на русских базарах многие товары продавали на фунты, причем взвешивал фунты продавец дома. Покупатель должен был верить ему на слово. Когда купивший фунт (масла, сала и др.) приходил домой и взвешивал покупку, то убеждался, что стал жертвой своей доверчивости и восклицал: «*Вот так фунт!*»

Следующая *тематическая* группа, выбранная нами для анализа – «*Национальные игры и спорт*» (13 ФЕ, 4%).

Играть в прятки с кем-либо – означает «скрывать друг от друга свои мысли, утаивать истинные намерения; взаимно обманывать друг друга». *Прятки* – это известная детская игра, в которой один из участников закрывает глаза и ждёт, пока остальные спрячутся. Тот, кого он успеет, увидев, «застукать» (т.е. назвать его имя, прибежав первым к месту, где сам стоял с закрытыми глазами, и постучав по чему-нибудь, например, по

стене или дереву, рукой), становится на его место и начинает «водить». В современном русском языке выражение *играть в прятки* сохранило свой прямой смысл.

Играть в жмурки – также означает «скрывать друг от друга свои мысли, утаивать истинные намерения; действовать окружными путями, взаимно обманывать друг друга». Данное выражение связано с детской народной игрой в жмурки (от глаг. жмурить (глаза), жмуриться – «сжимать веки, прикрывая глаза»). По правилам игры один из играющих («водящий») с завязанными глазами ловит других, которые стараются не выдавать себя шумом шагов и другими звуками или обмануть водящего, поднимая шум в одном месте и перебегая на другое. В современном русском языке выражение *играть в жмурки* также сохранило свое прямое значение.

Играть в кошки-мышки (неодобр.) – означает «хитрить, лукавить, стараясь обмануть, провести кого-либо». Этимологически значение фразеологизма объясняется известным бытовым наблюдением: кошка, прежде чем съесть мышонка, играет со своей жертвой. «Кошки-мышки» – это весёлая и шумная детская игра, в которую играют одновременно несколько детей. Играющие берутся за руки и образуют круг. «Мышка» находится внутри круга, а «кошка» снаружи. Задача «кошки» - прорваться в круг и схватить «мышку». Но это очень трудно сделать, так как играющие, стоящие в круге, помогают «мышке» и не дают «кошке» возможности проникнуть в круг. Если же ей это всё таки удаётся, «мышка» тотчас же из него выбегает – для этого стоящие в круге поднимают или разъединяют руки и образуют для неё свободный проход. Теперь уж «кошка» оказывается внутри круга, и игра продолжается до тех пор, пока «кошка» наконец поймает «мышку». После этого игра возобновляется, а «кошкой» и «мышкой» становятся другие участники игры».

Играть в бирюльки – «заниматься пустяками». Мотивация значения фразеологизма объясняется названием детской игры – бирюльки, суть

которой заключается в следующем: заранее нарезанные соломинки, а потом и другие мелкие вещицы (миниатюрные топорики, багры, кочерги, лопаточки и т.п.) – кладут в кучу на стол. Играющие берут по очереди одну из них с условием не двигать с места другие. Соломинки, вероятно, напоминали по форме дудки (ивовые или камышовые сопелки), которые ранее называли «бирюльками», отсюда, предположительно и произошло название игры.

Куча мала – дословно означает «общий шум, гвалт, выкрики, суматоха и всё без толку». Значение фразеологизма мотивируется названием детской игры-забавы, которая так и называется «*куча-мала*»: одного участника валят на землю, второй валится на него, третий – на второго и т.д. Получается большая куча. Оставшиеся участники крича: «Куча мала!» и бросаются на вершину кучи. Нижние кричат из-за того, что их придавили. Получается общий гвалт, суматоха, весёлая неразбериха. Нечто подобное получается и в каких-то делах: общий гвалт, суматоха, выкрики, а толку нет. В этих случаях и употребляют в качестве поговорки выражение «куча мала».

Некоторые фразеологизмы рассмотренной нами группы отражают обычаи молодечества, кулачного боя:

Стенка на стенку – речь идёт «о кулачном бое». В современном русском языке употребляется шире – о сильном противостоянии двух групп команд и т.п. Изначально в кулачном бое бойцы обычно распределялись на две стороны: первыми бои начинали ребята, потом – женатые, и, наконец, участвовали все – шли «*стенка на стенку*».

Лежачего не бьют – это выражение употребляется в значении «побежденного нельзя наказывать», происходит от практики кулачных боев на Руси. В «Указе» 1726 г. ещё формулируется как конкретное наставление любителям кулачных боев: «Кто упадёт, лежащих никого не били бы». Таким образом, не бить лежачего – было одним из правил кулачного боя.

Перетянуть на свою сторону (исконное выражение) – означает «сделать противника своим союзником, сообщником». Происходит от игр, связанных с перетягиванием цепочек противостоящих партнёров (перетягивание каната); по условиям игры перетянутые становились членами другой команды.

Становиться/стать на сторону кого, чью (собственно русское выражение)– «присоединиться к чьему-либо мнению, разделять чей-либо образ мыслей, чьи-либо действия, поступки; вступаться за кого-либо». Слово сторона в этом фразеологизме имеет значение «человек или группа людей, которые противопоставлены другим в каком-либо отношении». Происхождение выражения связано также со старинной народной борьбой – кулачным боем. Соревнуясь в ловкости и силе, бойцы становились по несколько человек в ряд с каждой стороны («стенка на стенку») или по одному. Бились до тех пор, пока держались на ногах (ср. поговорку лежачего *не бьют*)» [Бирих, Мокиенко, Степанова 552].

Класть/положить на лопатки кого-либо – означает «победить, одолеть кого-либо». Значение фразеологизма объясняется практикой спортивной борьбы: победа засчитывается лишь тогда, когда положишь соперника на обе лопатки, и это будет зафиксировано судьёй.

Ставить/поставить на карту что-либо – «рисковать чем-либо (жизнью, честью, состоянием, общественным положением и т.п. для достижения какой-либо цели». Выражение берёт начало из речи картёжников: игроки в карточной игре «ставят на карту» ту или иную сумму денег, надеясь выиграть, если она окажется выигрышной, или проиграть, если карта бита.

Жив Курилка! – так говорят «о том, кто появился вновь после долгого отсутствия, или о том, кто не пропал, несмотря на все неудачи». Это также собственно русское выражение – из народной песни, исполняемой во время игры «Курилка». Играющие передавали их рук в руки зажжённую лучину со словами «Жив, жив, Курилка, ножки тоненьки,

душа коротенька». Тот, в чьих руках лучина погаснет, выходит из круга и считается проигравшим.

Рассмотрим следующую тематическую группу «Учение и получение знаний» (11 ФЕ, 3,4 %).

От доски до доски (прочсть, прочитать). Это собственно русское выражение – «от начала до конца, полностью». Уходит корнями к старинному способу обшивать обложки книг тонкими дощечками, обтянутыми тканью.

От корки до корки (прочитать, знать, изучить). Это собственно русское выражение – «от начала до конца, полностью». Восходит так же к старинному способу обшивать обложки тонкими дощечками (корками), обтянутыми тканью или кожей.

Красная строка (с красной строки) – «первая строка абзаца». Это собственно русское выражение. Объясняется обыкновением древнерусских писцов, начинавших главы и абзацы рукописных книг красиво разрисованными буквами. *Красный* – здесь красивый, раскрашенный яркими, преимущественно красными красками.

От аза до ижицы – «с самого начала до самого конца, всё целиком». Фразеологизм в современном русском языке является устаревшим и книжным. Он построен на столкновении антонимичных компонентов, противопоставленных друг другу как «начало» и «конец» в соответствии с положением первой А («аз») и последней «иже» («ижица») букв русского алфавита.

Начинать с азов – «начинать с самого начала». Аз– название первой буквы русского алфавита А. С ним связана идея начала. Словом азы называли буквы, всю азбуку, грамоту вообще. *Писать азы* в старину означало «выписывать буквы» и «учиться грамоте». Отсюда – переносное употребление слова азы – «основы, начала чего-либо», ставшее источником фразеологизма *начинать/начать с азов*, т.е. «с самого начала, с самых основ, закладывать фундамент на пустом, голом месте».

Твердить азы – «осваивать какое-либо дело, ремесло с самых простых, примитивных вещей, изучать элементарные истины». Фразеологизм связан с обучением грамоте. Со временем это выражение расширило сферу своего употребления.

Ни аза в глаза не видеть – «о безграмотном человеке (шутл.) *Аз* – название первой буквы церковнославянской азбуки, по этой азбуке обучали грамоте. *Ни аза* (*не знать, не понимать, не смыслить*) – «даже самых основ какого-либо дела».

С большой буквы – «книжн. настоящий, лучший, достойный». Выражение связано с обыкновением писать каждую новую фразу с заглавной (прописной) буквы.

Буква в букву – «очень точно, ничего не изменяя, буквально (передать, повторять, запоминать и т.п.). Выражение означает степень грамотности на Руси и отношение к книге. До XVI в. книгопечатания не было и книги переписывались от руки. При переводе с греческого и при переписывании богослужебных книг требовалась большая точность, так как церковь наказывала за невольное или сознательное изменение смысла текста.

Азбучная истина – «о том, что всем хорошо известно, ясно без всяких доказательств». Выражение образовано от прилагательного азбучный – «общеизвестный, неоспоримый».

История с географией – «о неожиданном, непредвиденном обороте дела» (шутл.). Это выражение происходит от старинного названия школьной дисциплины *история с географией*, которая преподавалась в старой России. Так как преподавалось сразу два предмета, то на уроках происходили всяческие курьёзы, что и послужило мотивацией современного значения фразеологизма.

Следующая проанализированная нами тематическая группа «*Род занятий, ремесла, профессии людей*» (8 ФЕ, 2,5 %).

Вить верёвки из кого-либо – означает «полностью подчинять кого-либо своей воле, вынуждать поступать по своему желанию». *Верёвка* – скрученные и свитые в несколько рядов длинные пряди нитей. В традиционном крестьянском быту верёвки вили из льняных нитей или из пеньки (волокна, получаемые из растения конопли). Мягкое волокно легко поддавалось скручиванию, и верёвка получалась такой, какой хотели её сделать. Это и послужило мотиватором переносного значения, заключенного во фразеологизме.

Брать/взять на буксир кого, что – «помогать тому, кто отстаёт в каком-либо деле, способствовать какому-либо движению». Данное выражение связано с морским делом. *Буксир* – это «канат для буксировки», а также «судно, которое тянет на канате специальные несамоходные суда (например, баржи с грузом), а также суда, которые из-за поломки сами не могут прийти до места назначения».

Закладывать/заложить фундамент чего-либо (книжн.) – означает «создавать то, что является исходным, главным, основополагающим для чего-либо». *Фундамент* – это бетонное или каменное основание, служащее опорой строящегося объекта, т.е. его основа. Значение этого слова послужило основанием переносного значения всего выражения.

Закручивать/закрутить гайки (прост.) – означает «наводить жесткий порядок и дисциплину». Фразеологизм происходит из речи железнодорожников, где сочетание *закручивать гайки* было термином.

На одну колодку сделаны(сбиты, сшиты) – «чаще неодобр. одинаковы, стандартны, все на один лад (о предметах, лицах, произведениях искусства)». Эта поговорка появилась в русском языке, возможно, из речи сапожников, обувщиков, под влиянием обувного производства, где *колодка* – «кусочек дерева, вырезанный в форме ступни человеческой ноги, трафарет, применяемый при шитье и чистке обуви».

Выходить/выйти на орбиту – «достигать хороших результатов, становиться известным». Выражение появилось в русском языке во второй

половине двадцатого века и связано с освоением космоса. Сначала функционировало в языке в качестве терминологического сочетания, а затем приобрело переносное значение «достичь хороших результатов...»

Доводить/довести до белого каления – «лишить самообладания кого-либо, сильно рассердить». Это собственно русское выражение. *Каление* – нагревание. Из речи кузнецов: металл при нагревании перед ковкой делается красным, затем светлым (белым).

Тянуть канитель – «о медленном, нудном, затяжном деле или разговоре, о досадной потере времени» (говорится с неодобрением или презрением). Это собственно русское выражение. По происхождению представляет собой бывший термин мастеров золотошвейного дела. В старину медные, золотые и серебряные нити для церковных риз, офицерских эполет и для вышивки по бархату изготовляли вручную, кустарным способом: раскаляли металл и осторожно вытягивали клещами тонкую проволоку, которая называлась *канитель*. Процесс этот был длительным, нудным и кропотливым –отсюда и переносное значение.

Следующая тематическая группа «*Религия, верования, ритуальные формы народной культуры*»(такие как *сватовство, поминки, поверья, мифы, заклинания и т.п.*) (17 ФЕ, 5,3 %).

Бог знает – «неизвестно, никто не знает (что, кто, какой, как, где, когда и т.п.)».

Жить как у Христа за пазухой (общеславянское выражение) – 1) «Быть, находиться, чувствовать себя и т.п. в полной безопасности» (говорится с одобрением). 2) «Жить, служить и т.п. без всяких забот, хорошо, спокойно (говорится с одобрением)». В основе образа лежит представление о пазухе как надежном укрытии, безопасном месте.

Нести крест (из старославянского языка) – «терпеливо переносить страдания, невзгоды, мириться со своей печальной участью». Восходит к евангельскому рассказу о том, как Иисус нёс крест на место распятия. *Крест*– символ страдания.

Земля обетованная (из старославянского языка) – «место, где царит довольство, изобилие, счастье, куда кто-либо стремится попасть». Происходит от библейского выражения, означавшего «обещанная земля» (Палестина), куда Бог, выполняя свое обещание, привел евреев из Египта, где они томились в плену. Бог обещал Моисею, что приведет людей «в землю хорошую и пространную, где течёт молоко и мёд». Обетованной, т.е. обещанной, эта земля названа в Послании апостола Павла.

Глас вопиющего в пустыне (из старославянского языка) – «безответный призыв». Из Библии («Книга пророка Исайи», «Евангелие»). Вопиющий – кричащий; пустыня – необжитое место. Под этим выражением в Евангелии подразумевается святой Иоанн Креститель, проповедовавший и крестивший в пустыне, куда многие и приходили к нему креститься.

Как Бог на душу положит (собственно русское выражение) – означает «произвольно, как получится». Мотивация значения объясняется так: Царские суды в Москве, в Приказе большого Двора, решал сам государь, который считался Божиим помазанником и судил, «как Бог ему на сердце положит».

Ни Богу свечка, ни черту кочерга (исконное (не заимствованное) выражение) – «ни на что не пригодный, бесполезный человек». В нём сохранилось древнейшее значение слова *кочерга*, забытое в современном языке. Оно означает отнюдь не железную клюку для выгребания углей из печки, а деревянную обгорелую палку, которую можно было использовать как коптящую лучину – для освещения избы. Именно это значение, подтверждаемое русским диалектным и славянским материалом, проясняет внутреннюю логику этой фразеологической единицы, построенной на противопоставлении «Богова» и «чертова» источников света.

На тебе, Боже, что нам негоже (собственно русское выражение) – «о подаянии, дарении того, что не нужно самому». Возникло в результате

искажения первоначального варианта «на тебе, небоже, что нам негоже», в котором *небоже* форма звательного падежа от *небог* «нищий, бедняк» (*убогий*– «немогущий, пребывающий в нищете», «скудный».)

Ради Бога – означает «очень прошу». Данный оборот заимствован из старославянского языка.

Благослови Вас (тебя...) Господь. Господь благословит! – это доброе пожелание всяких благ с целью предохранить того, к кому оно было обращено, от дурного глаза, порчи, козней дьявола. Употреблялось также как «прибавка» к более древнему, языческому выражению русского народного этикета: *В добрый час! Господь благословит!*

У черта на куличках; к черту на кулички(собственно русское выражение) – означает «очень далеко, неведомо куда, неведомо где». *Кулички*– изменённое диалектное слово *кулижки* (от *кулига*) в значении «лесные полянки – места выжженные, вырубленные и приспособленные для возделывания земли, а также островки на болоте».

Чур меня! (восточнославянское выражение) – «Возглас, запрещающий касаться чего-либо, переходить границы». Выражение первоначально употреблялось в заклинаниях. *Чур*–означает границу, межу; предполагаемый бог границ и основатель рода, прародитель, почитавшийся в древности у славян как божество, к которому обращались с просьбами и которого призывали в спорах.

Чёрная кошка пробежала между кем-либо (общеславянское выражение) – «произошла ссора, размолвка». Берет начало от суеверного представления древности – наделять «злых духов», колдунов, ведьм и т.п. способностью «оборачиваться» в чёрную кошку или другое животное. Считалось, что если человеку перебегут дорогу эти животные, то с ним обязательно должно случиться несчастье.

Голодный как собака – означает «очень проголодался, хочет есть» (негативная оценка). В культурном содержании данного фразеологизма отражаются следы древнего обычая людей одомашнивания собак. Так

как собака - страж хозяйства, то и выражение ассоциируется со злостью (*злой как собака*); собака живет в конуре и на цепи – жизнь ее трудна (отсюда - *живёт как собака, замерз как собака*).

Ясный сокол (исконное (не заимствованное) выражение)– «устар. возвышенно о мужчине или воине-юноше». Первоначально означало «светлый, яркий, блестящий, сияющий».

Оставить с носом кого-либо – «одурачить, оставить ни с чем; обмануть». Происхождение этого фразеологизма уходит корнями к древним обрядовым обычаям сватовства, согласно которым жених подносил родителям невесты *нос*(производное от глагола *нести*) - «подарок, выкуп». Если жениху отказывали, то жених оставался «с носом».

Идти в Мекку - «книжн. Посещать место своих грёз, предмет поклонения». Культурное содержание фразеологизма восходит к религиозному происхождению. *Мекка* – священный город магометан, место рождения основателя ислама Магомета. В Мекке находится «черный камень», принесённый, по преданию, ангелом с неба. Тысячи паломников приходят в Мекку, чтобы поклониться этому камню.

Следующая группа, проанализированная нами «*Предметы домашнего обихода, орудия крестьянского производства*» (7ФЕ, 2,2 %).

Дым коромыслом (собственно русское выражение) – означает «шум, гам, беспорядок». *Коромысло*– «деревянная плоская дуга с выемками или крючками на концах для ношения вёдер или иных тяжестей на плечах» – в данном фразеологизме служит для сравнения. В старину печи топили по-чёрному, т.е. дым из устья печи выходил либо через «волоковое» окно, либо в дверь. Когда в избе начиналась суэта, суматоха, то дым в середине избы поднимался коромыслом. Это и послужило образным стимулом для мотивации значения этого фразеологизма.

Остаться у разбитого корыта (собственно русское выражение) происходит из«Сказки о рыбаке и рыбке» А.С.Пушкина – «остаться ни с

чем». *Корыто*– «большая продолговатая посуда для стирки белья и других хозяйственных надобностей, делавшаяся ранее из расколотого пополам и выдолбленного бревна, позднее – также из оцинкованного железа».

Пятое колесо в телеге – «ненужный, лишний в каком-либо деле (о человеке)».

В Тулу со своим самоваром не ездят – «не ездят куда-либо с тем, чего в этом месте и без того много». Тула – город, который славится производством самоваров. *Самовар*– металлический сосуд для кипячения воды, с краном и внутренней топкой в виде высокой трубки, наполняемой углями. Ранесамовар являлся неизменной принадлежностью быта русских людей.

Грести деньги лопатой – «зарабатывать, получать уйму денег. Подразумевается, что деньги достаются легко или имеется обильный источник дохода». *Лопата* – «ручное орудие для копания, сгребания с рукояткой и широким плоским отточенным концом». «Живая» внутренняя форма (образное основание) служит основой мотивации значения этого фразеологизма.

Толочь воду в ступе (собственно русское выражение) – «заниматься бесплодным делом». *Ступа*– «тяжелый металлический, деревянный или каменный сосуд, в котором толкут что-либо пестом». Распространено мнение, что длительное толчение воды в ступе было в некоторых монастырях видом наказания провинившегося монаха.

Садиться не в свои сани – «из поговорки: *не в свои сани не садись* – не пытайся равняться с тем, кто принадлежит к более высокому обществу». *Сани* – «зимняя повозка на полозьях». Во фразеологизме сохранилось представление о сословных различиях людей: у крестьян были простые сани, у помещиков – богатые, красивые и т.п.

Далее нами были подробно проанализированы фразеологические единицы, включающие *антропонимы и топонимы* (14 ФЕ, 4,3 %).

Филькина грамота (собственно русское выражение) – «фальшивый или не имеющий силы документ». *Филька* – глупый, недалёкий человек. Время возникновения выражения относят к царствованию Ивана Грозного, который преследовал московского митрополита Филиппа, выступавшего против беспредела царя. Царь презрительно называл разоблачительные послания митрополита *Филькиными грамотами*.

Мамаево побоище – «крупная ссора, драка; беспорядок, разгром». Выражение связано с именем татарского хана Мамаю и отражает исторические факты: хан Мамай был разгромлен русскими войсками в Куликовской битве (1380г). *Побоище* – поле битвы после сражения, а также само сражение.

По Сеньке и шапка – «каждый получает то, чего он заслуживает, достоин, того, что соответствует его положению». В выражении содержится намёк на высоту шапки как на признак сословных различий.

Кондрашка хватил кого-либо – «прост. шутл. Кто-либо скоропостижно умер, скончался (об апоплексическом ударе, параличе)». Фразеологизм широко употребляется в народной речи. О его происхождении имеется несколько версий: 1) Фразеологизм восходит к имени Кондрата Булавина, предводителя народного восстания на Дону в 1707 г. Данная трактовка происхождения фразеологизма многими подвергается сомнению: Кондратий *хватил (стукнул)*, *Кондратий Иванович хватил*. Булавина же звали не Кондратием Ивановичем, а Кондратом Афанасьевичем, и народ хорошо сохранил в памяти имя и отчество легендарного атамана-освободителя. 2) Кондрашка – в этом выражении – эвфемистическое наименование смерти, тяжелой болезни, паралича, характерное для народного суеверия. 3) Слово *кондрашка* связано с диалектным словом *кондрат*, *кондратий* «друг, товарищ, собрат». 4) Компонент *кондрашка* можно связать с глаголом *драть*, выделяя в нём древний префикс *-ко-* и (вставной) интерфикс *-н-*.

Куда Макар телят не гонял (собственно русское выражение) – означает «очень далеко». *Макар* – бедный безземельный крестьянин, вынужден был пасти телят на далёких, заброшенных выгонах.

Фома неверующий (из старославянского) – «очень недоверчивый человек». Выражение восходит к евангельскому тексту о том, как один из апостолов, Фома, не сразу поверил в воскресение Иисуса. Употребляется также вариант этого фразеологизма – *Фома неверный* – исповедующий иную религию.

На Маланьину свадьбу (наготовить, наварить) – «очень много (о еде, угощении)». Существуют разные версии о происхождении этого фразеологизма: 1) В выражении содержится намёк на свадьбу донского атамана Степана Даниловича Ефимова с красавицей Маланьей Карповной – бывшей черкасской торговкой; празднование свадьбы отличалось необыкновенной пышностью и обилием яств и питья. 2) Фразеологизм восходит к старинному народному обычаю, связанному с празднованием кануна Нового года. В церковном календаре есть день Мелании Римляныни, «именины» которой приходятся как раз на 31 декабря. Вечер этого дня до сих пор во многих христианских странах называют «щедрым».

На бедного Макара все шишки валятся – «пословица. Чем беднее и несчастнее человек, тем больше бед и неудач он испытывает». В этой пословице, подчеркивается бедная и неудачливая судьба Макара. Он беден (*Не рука Макару калачи есть*) и бездомен (*Грядет Макар к вечерне от собак в кабак*), незнатен (*Не рука Макару с боярами знаться*), послушен и почтителен (*Макару поклон, а Макар на семь сторон*), а главное – безответен: *На бедного Макара все шишки валятся*. Данные пословицы подчеркивают, что он обычно занят тяжелым крестьянским трудом.

Мели, Емеля, твоя неделя (собственно русское выражение) – «о пустослове, болтливом лгуне». Мотивация значения объясняется следующим образом. В русских семьях чередовали по неделям

выполнение различных работ членами семьи, среди которых был и помол муки на домашнем жернове. Возможно и влияние сказки о том, как Емеля-дурачок надумал смолоть полову и напечь из муки лепёшек.

Митькой звали (собственно русское выражение)– «исчез безвозвратно кто-либо». Происходит от варианта *Минькой звали* с заменой *Минька* на *Митька* как на более распространённый деминатив от *Дмитрий*. Первичной основой происхождения этого выражения послужили обороты *поминай, как звали, и помину нет, и в помине нет*.

Язык до Киева доведёт – «спрашивая, всё узнаешь, найдёшь». Мотивация значения этой поговорки, очевидно, объясняется тем, что Киев – центр Древней Руси – был местом, куда многие стремились попасть.

Во всю Ивановскую (собственно русское выражение) – «громко, оглушительно (о крике, плаче, храпе и т.п.); быстро, сильно (о скорости и интенсивности действия, перемещения)». Выражение закрепило в своем значении исторические сведения. Имеется несколько версий происхождения, которые, так или иначе, исходят от компонента «Ивановская». 1) Ивановская – название площади в Московском Кремле, на которой стоит колокольня Ивана Великого – самая большая колокольня в России. 2) На Ивановской площади иногда наказывались дьяки за взятки и лихоимство. Наказание это состояло в том, что их выставляли на позор (на всеобщее обозрение), обвешивали приобретенными лихоимством вещами, а в иных случаях еще и били нещадно кнутами, отчего они кричали *во всю Ивановскую площадь*. 3) Выражение связывается не с оглашением царских указов, а со звоном колокольни Ивана Великого «*во всю ивановскую фамилию*», как выражались в старину, «во все тридцать колоколов».

Коломенская верста (собственно русское выражение) - «шутл. Об очень высоком человеке». Оно объясняется сравнением высокого человека с верстовыми столбами, которые были поставлены по указанию царя Алексея Михайловича от Москвы до села Коломенского.

Москва слезам не верит (собственно русское выражение) – «нет веры чьим-либо сетованиям и плачу». Оно восходит ко времени возвеличивания Москвы, когда московские князья вели себя жестоко по отношению к покоренным.

В русском языке довольно много фразеологических единиц с «цветовыми» компонентами, которые содержат яркую культурную коннотацию. Проанализируем основные фразеологизмы этой группы (21 ФЕ, 6,5 %).

Сказка про белого бычка (собственно русское выражение) – «о бесконечном повторении одного и того же». Оно произошло из сказки, которой дразнят детей, докучающих просьбой рассказать им сказку.

Света белого не видеть (собственно русское выражение) – «мучительно страдать от нестерпимой боли, болезни или горя». Существуют две версии его происхождения. 1) Возможно, это выражение представляет собой переделку другого выражения – *Света Божьего не видно* (о повсеместном горе). 2) В сочетании *света белого не видеть* оборот *белый свет* в какой-то мере ещё сохраняет исходное значение «яркий дневной свет».

Белая ворона (выражение - калька с лат) – «о человеке, резко отличающемся чем-либо от других». Восходит к стихам древнеримского поэта-сатирика Ювенала (около 60-127 гг.). Есть соответствия в английском и немецком языках.

Белая изба; белая баня – «изба (баня), имеющая печь с дымоходом, выведенным через крышу наружу (в отличие от черной – курной избы, бани, в которых дым из печи выходил либо через дверь, либо через специально сделанное «волоковое» окно в стене близко к потолку)».

Белая кость – «о человеке аристократического происхождения – барине, дворянине» (неодобр.). Первоначально прилагательное *белый* положительное значение, затем, однако, и цветное значение, и положительная оценочность в нём изменились. В современном русском

языке во фразеологизме *белая кость* содержится осудительная характеристика «высшей породы людей».

Белая магия – «по средневековым суеверным представлениям: колдовство с помощью небесных сил».

Белый (или божий) свет – «мир, земной шар со всем, существующим на нем». *Белый свет* еще называется этот свет, который противопоставляется *тому свету*, т.е. загробному миру (*отправиться на тот свет* – «умереть»).

Белые ночи – «северные летние ночи, когда вечерние сумерки переходят в утренние без наступления темноты». Во время белых ночей русские люди устраивают праздники, фестивали и т.п.

Белые мухи – «порхающие снежинки ранней зимы». Такие снежинки действительно похожи на белых мух на фоне ещё не опавшей зеленой листвы деревьев, вспаханных полей и т.п.

Средь бела дня – «днем, когда светло». Среди бела дня обычно делается что-либо предосудительное (например, грабят, воруют и т.п.).

Называть белое чёрным; принимать белое за чёрное – «толковать что-либо не так, как есть на самом деле, а наоборот; представлять себе что-либо противоположно действительности». В этих фразеологизмах противопоставляется белое и чёрное, с белым связывается всё хорошее, с чёрным – плохое.

Довести до белого каления кого, дойти до белого каления (собственно русское выражение) – лишить самообладания, сильно рассердить кого-либо», «лишиться самообладания, сильно рассердиться». *Каление* – нагревание. Мотивация значения объясняется тем, что металл при нагревании перед ковкой делается красным, затем светлым (белым).

Чёрным по белому (написано) – «ясно, недвусмысленно». Данное выражение – калька с французского, широко употребляется в русском языке.

Белое пятно (собственно русское выражение) – «о чем-либо неизученном, неизвестном». Белыми пятнами на географических картах обозначают неисследованные районы, что послужило образным стимулом для мотивации значения этого фразеологизма.

Держать в чёрном теле (происхождение связано со старинной коневодческой терминологией) – «строго, сурово обращаться с кем-либо, заставляя много работать, не позволяя нежиться».

Голубая кровь (калька с испанского) – «часто ироническое. Об аристократах, людях дворянского происхождения». Первоначально так называли себя аристократические семьи испанской провинции Кастилии, гордившиеся тем, что их предки никогда не вступали в браки с маврами и другими людьми с тёмной кожей. У людей со светлой кожей вены имеют голубоватый цвет.

Голубая мечта (выражение является неточной калькой с немецкого) – «идиллическая, часто недостижимая мечта». В немецком *голубой* цветок – романтический символ высокой и несбыточной мечты, приснившейся юноше-поэту.

Красный угол (восточнославянское выражение) – «самое почетное место в избе или комнате, передний угол, где в старину обычно находились иконы». *Красный* – почетный, парадный.

Красной нитью проходит (имеет английское происхождение) – «о какой-либо отчетливо выделяющейся, господствующей мысли, идее в чем-либо». В Англии с 1776 года во все канаты английского военного флота на фабриках вплетали во всю длину одну красную нить, чтобы уберечь канаты от кражи.

Открыть зелёную улицу, дать зелёный свет – «свободный путь без препятствий и задержек, благоприятная обстановка для прохождения, развития чего-либо». У этого фразеологизма у прилагательного зелёный имеется символическое значение «свободный».

В объятиях зеленого змия – «в состоянии сильного алкогольного опьянения». В этом фразеологизме у прилагательного *зеленый* имеется символическое значение «относящийся к водке». *Зелёный змий* – «символическое название водки, спиртного и всего, что связано с этим».

Таким образом, из анализа данных примеров можно заметить, что в русских фразеологизмах, содержащих компоненты со цветообозначениями, преобладающими являются *красный, белый и чёрный*. Это не случайно, так как значение слова *красный* в сознании русского человека всегда связывается с понятием «красивый, хороший, добрый». В русской народной поэзии сохранилось старое значение слова *красный* – «красивый, прекрасный». Это слово употребляется как постоянный эпитет: *красное солнце, весна красная, лето красное, красная девица* и т.п. У русского народа всегда существовала положительная символика *белого* это цвет чистоты, непорочности. С точки зрения древнерусской эстетики, *белое лицо, белые руки и белое тело* неперенным признаком человеческой красоты. Так, в Древней Руси белую одежду носили великие князья. «Белыми людьми» назывались в феодальной России также крестьяне, освобожденные от феодальной повинности, т.е. свободные земледельцы. Такая символическая окрашенность – это отражение древнейшего цветового противопоставления: *белый* (положительный) – *чёрный* (отрицательный). Чёрный цвет ассоциируется у русского народа всегда с чем-то тяжёлым, неприятным, нечестным и т.п.

Таким образом, вышесказанное транслирует информацию, непосредственно связанную с национальной языковой картиной мира.

На заключительном этапе нашего лингвистического исследования нами были рассмотрены *компаративные фразеологические единицы* русского языка.

Сравнительные устойчивые обороты всегда привлекали внимание ученых, о них писали в лингвистических работах, их представляли в

словарях. По мнению В.Н. Телия, компаративные фразеологические единицы выступают как «своего рода шаблоны национально-культурного миропонимания, как достояние группового сознания». [Телия 1996: 239]. Компаративные фразеологические единицы представляют собой «превращенную форму деятельности, характерной для данной общности, и вскрывают оценочные эталоны той или иной лингвокультурной общности» [Шмелева 1988: 120].

Национально-культурную специфику в устойчивых сравнениях отражают *эталонные сравнения*. Эталоном сравнения может быть и сам человек, и предмет, и животное, растение, явление природы и т.п. Здесь важно не то, каков эталон, а то, как он культурно освоен представителями языкового социума, как он связан с жизнедеятельностью человека, с его представлением картины мира в целом.

Итак, мы выяснили, что в речи русских людей встречается много индивидуально-авторских, окказиональных сравнений, которые являются продуктом речевого творчества говорящих. Особенно много их в художественной литературе, поэзии. Мы же выделяем *устойчивые сравнения*, которые принадлежат только языковой системе и которые наиболее полно отражают национальную картину мира.

Компаративные устойчивые единицы могут обозначать:

- 1) физические характеристики человека: *жирный как свинья, худой как щепка, красивая как картинка, сутулый (сгорбленный) как старик, чёрный как трубочист* и т.п.
- 2) черты характера, моральные и деловые качества: *невинный (непорочный, чистый) как ангел, упрямый как баран, застенчивый как девочка (девчонка), трусливый как заяц, горячий как кипяток, хитрый как лиса, хитрый (коварный) как змея (змея), храбрый как лев, ревнивый как Отелло (мавр), упрямый как осел, задиристый (драчливый) как петух, нем как рыба, злой как собака, вспыльчивый как порох, злой как черт, кроткий (добрый) как ягненок и т.п.*

- 3) умственные способности, интеллектуальная деятельность: умный как бес, глупый (тупой) как бревно (как пень), мудрый как змей (змея), глупый (тупой) как пробка, знать как свои пять пальцев, глупый как сивый мерин, глядеть (смотреть, уставиться) на кого-, что-либо как баран (на новые ворота), и т.п.
- 4) отношения между людьми: разойтись (разомнуться) как в море корабли, жить (ворковать) как голубки (голубь с голубкой), тянуться (притягиваться) как к магниту к кому-нибудь, играть с кем-либо как кошка с мышкой, выжать кого-либо как лимон, жить как кошка с собакой, быть как нитка с иголкой, драть (пороть, сечь) как сидорову козу, обращаться с кем-либо как с собакой, и т.п.
- 5) речевая деятельность, речевое общение: молчать как будто язык проглотил, молчать как воды в рот набрал, голос (бас) как иерехонская труба, говорить (рассказывать, признаваться) как на исповеди, сказать как (ножом) отрезать, говорит как пишет, болтать (трещать) как сорока, кричать (орать) как оглушенный, говорить как заведенная машина и т.п.
- б) впечатления, мысли, ощущения, убеждения: ясно как (божий) день, ясно как дважды два (четыре), поразить как гром (громом), видеть (быть видимым) как на ладони (ладошке), ударить (оглушить) как обухом (по голове), подействовать как холодный душ и т.п.
- 7) состояние духа, настроения, чувства-состояния: хохотать (смеяться) как безумный, быть (делать что-нибудь) как в бреду, быть (бродить, ходить и т.п.) как в воду опущенный, чувствовать себя как дома, быть (выглядеть) как мокрая курица, быть (сидеть) как на иголках, чувствовать себя как рыба в воде, быть (сидеть, чувствовать себя) как у тещи на блинах.

Таким образом, устойчивые сравнения являются единицами с расчлененной семантикой, т.е. каждый компонент понимается в своем значении. Культурная коннотация устойчивых сравнений заключается

большей частью в «эталоне» сравнения. В эталонах устойчивых сравнений предметы реального мира отражаются не такими, какими они есть на самом деле, а такими, какими они освоены сознанием человека в культурном пространстве и национальной языковой картине мира того или иного языкового социума.

2.3. Методика работы над фразеологизмами на уроках русского языка в средней школе

В школьном курсе русского языка особое место занимает изучение такого раздела науки о языке, как фразеология. Ознакомление с ней предполагает познание основных свойств изучаемых языковых единиц, их языковых особенностей и функционирования в речи, фразеологического богатства русского языка. Именно изучение фразеологии позволяет нам глубже понять историю и характер нашего народа, изучить многовековой опыт его трудовой и духовной деятельности, религиозные воззрения и верования, приобщиться к культурным ценностям. Таким образом, изучая фразеологизмы, школьник «впитывает» их как своего рода «кладезь мудрости» народа, сохраняющий и передающий от поколения к поколению его менталитет и культуру.

Для углубленного изучения русского языка в школе, фразеология предоставляет огромные возможности, так как изучает номинативные единицы языка, которые, обладая собственно языковыми свойствами, непосредственно связаны с *языковой и национальной картинами мира*.

Работая над фразеологизмами, учитель может организовать и повторение основных орфограмм, в них встречающихся. Отшлифованные веками, фразеологизмы оказываются лучшим образцом для оформления собственных мыслей, для придания глубины, краткости и выразительности каждому предложению.

Опираясь на опыт работы в школе, рекомендации методистов, можно выделить следующие критерии при работе с фразеологизмами:

- доступность фразеологизмов пониманию учащимися;
- знакомство с теми фразеологизмами, которые чаще всего употребляются в различных жизненных ситуациях;
- соответствие фонетических, лексических, синтаксических особенностей фразеологизмов тому грамматическому материалу, который изучается в школе;
- учёт сферы употребления (не вводить фразеологизмы из жаргонной речи, исторической, публицистической и др.);
- привитие учащимся эстетических норм при овладении родным языком;
- формирование мировоззрения, понимание языковой и национальной картин мира.

Работа с фразеологизмами должна вводиться в тот или иной этап урока, вписываться в тему, представлять перед школьниками как очередное упражнение. Для контроля процесса изучения и использования фразеологизмов в речи школьников мы предлагаем нижеследующие упражнения.

Для учащихся 5 класса:

1. Составьте предложения, используя приведенные ФЕ.

Образец: *Брать верх — По всему было видно, что она брала верх над ним.*

Бить тревогу, биться изо всех сил, бить во все колокола, брать на вооружение, брать в кольцо, брать на себя.

2. Определите значение фразеологизмов и составьте с ними предложения. Для справок используйте словари.

У разбитого корыта, убить двух зайцев, ударить в грязь лицом, ударять по карману, ударять по рукам, ударять как обухом по голове.

Для учащихся 6 класса:

1. Выпишите исконно русские ФЕ. Укажите их значения.

Всевидающее око, всем миром, всем сердцем, всех мастей, всплеснуть руками, всякая вся чина, всякое лыко в строку, втереть очки, второе дыхание, выбить из седла, вывести на чистую воду, выдать себя с головой, вызвать на ковер, въколачивать деньги, выходной день, гвоздь программы, геенна огненная, глаза на мокром месте.

2. Укажите стилистическую характеристику приведенных ФЕ.

В воду глядел, в два счета, в долгий ящик, в ежовых рукавицах, в один голос, в подметки не годится, в три ручья, в три шеи, в чем мать родила, вариться в собственном соку, варфоломеевская ночь, вбивать в голову, вверх дном, вдоль и поперек, вертеться как белка в колесе.

Для учащихся 7 класса:

1. Запишите фразеологизмы-синонимы со следующими значениями:

«опытный человек», «темно», «до конца», «много», «тяжелое положение».

Ни зги не видно, хоть пруд пруди, вагон и маленькая тележка, старый воробей, стреляный воробей, тертый калач, хоть глаз выколи, хоть волком вой, хоть в петлю лезь, хоть караул кричи.

2. Объясните значения приведенных ниже ФЕ, подберите к ним антонимические фразеологизмы. Составьте с ними предложения.

1) Ни зги не видно; 2) кот наплакал; 3) себе на уме; 4) кровь с молоком; 5) легок на подъем; 6) ювелирная работа; 7) за три девять земель; 8) возносить до небес; 9) жить своим умом; 10) одержать победу

В нижеследующих фрагментах уроков нами была сделана попытка показать на практике, каким образом можно проводить работу, направленную на осознание фразеологизмов и актуализацию их в речевой практике учащихся, репрезентируя ФЕ с языковой *национальной картиной мира*.

Фрагмент урока (5 класс)

Тема урока: Глаголы-синонимы и глаголы-антонимы.

Этап урока: Закрепление.

На доске: выписать те фразеологические обороты, которые можно заменить глаголами-синонимами.

В час по чайной ложке; рукой подать; кривить душой; повесить нос; себе на уме; гонять лодыря; во все лопатки; раз, два и обчелся; куры не клюют; кожа да кости.

Слова для справок: быстро, мало, лгать, много, медленно, худой, близко, хитрый, бездельничать, грустить.

Творческое задание: составить предложение с одним из фразеологических оборотов.

Фрагмент урока (6 класс)

Тема урока: Неопределенная форма глагола.

Этап урока: Закрепление. Работа с текстом.

Старинная русская одежда была с длинными, спускавшимися до земли рукавами. Поэтому во время работы приходилось подбирать их, засучивать. Отсюда и пошли выражения работать, засучив рукава (хорошо), работать спустя рукава, т.е. «трудиться неохотно, небрежно».

– Назвать глаголы в неопределенной форме.

– Какие глаголы в неопределенной форме входят в состав фразеологизмов?

Выполняя данный вид работы, учащиеся помимо знакомства с фразеологизмами, имеют возможность соприкоснуться с историей, русскими народными обычаями.

Фрагмент урока (7 класс)

Тема: Употребление глаголов в прямом и переносном значении.

Этап урока: Закрепление пройденного материала.

1. Прочитать текст. Найти зачин, основную часть, концовку.

Поссорились на перемене ребята

Один кричит:

– Я тебе покажу, где раки зимуют!

А второй ему:

– Ишь, разошёлся, прямо из кожи вон лезет!

Тут подбежал к ребятам дежурный, давай их растаскивать. А они на него напустились:

– Все следишь! Наверное, и спишь с открытыми глазами!

А дежурный вдруг как крикнет:

– Стойте, ребята! Разгадайте-ка свои загадки!

– Какие такие загадки? – удивились ребята и разжали кулаки.

– А вот какие, слушайте! Первая: «Где раки зимуют?»

Вторая: «Кто из своей кожи вылезает?»

Третья: «Кто спит с открытыми глазами?» /Н. Сладков/

2. В каком случае выражения «где раки зимуют», «спит с открытыми глазами», «из своей кожи вылезает» употреблено в переносном значении, а в каком — в прямом?

Таким образом, фразеологические обороты – это богатый материал для закрепления разделов грамматики, обогащения словарного запаса и развития речи учащихся. Знание этимологии фразеологизмов повышает познавательный интерес учащихся к изучаемому предмету и расширяет их кругозор. Русская фразеология – как раздел фольклора, наиболее полно отражает национальную специфику языка, образное мышление народа, национальную картину мира в целом.

Выводы по II главе

Исследование фразеологических оборотов, их классификация позволяют решить целый ряд вопросов, касающихся значимых единиц языка в целом, характера лексического значения слов, функций и соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения.

Нами были проанализированы несколько тематических групп фразеологических единиц, имеющих культурную коннотацию в русском языке. Как видно из проанализированного материала, фразеологические единицы выполняют функцию знаков «языка» культуры, другими словами,

они транслируют информацию, непосредственно связанную с национальной языковой картиной мира.

Понимание фразеологизмов при чтении художественной литературы, газет, при просмотре фильмов, употребление их в письменной и устной речи является показателем уровня владения родным языком школьниками, пониманию ими языковой и национальной картин мира.

Таким образом, наше предположение о том, что национальная картина мира в русской фразеологии является отражением особого мировоззрения русского человека и результатом синтеза научной и наивной картины мира, нашло своё конкретное подтверждение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию лингвокультурологического аспекта русской фразеологии и обоснованию сущности явлений, процессов и категорий, связанных с воплощением культуры в языке, а именно – во фразеологических единицах.

Тема исследования предполагает решение, прежде всего, следующих *проблем*: определение фразеологических единиц как наиболее самобытной в культурно-языковом плане части номинативных средств языка; выявление соотношений фразеологизмов с предметной областью культуры и описание культурной референции фразеологизмов; отображения черт культуры во фразеологизмах как языковых знаках; определение культурной семантики фразеологизмов и описание её в рамках лингвокультурологического направления.

Проанализированный нами материал показал, что культурная коннотация фразеологизмов базируется на самых различных основаниях: мифах, суевериях, ритуалах, обычаях и т.п. В любом случае наблюдается связь фразеологизмов с тем или иным кодом культуры, обуславливающим способность носителей языка к культурной референции. Вместе со

значением фразеологизмов носители языка усваивают и их культурный ореол, живущий в долгосрочной памяти носителей языка и передаваемый от поколения к поколению.

Важной проблемой в изучении культурной коннотации фразеологизмов является изыскание подходов к изучению национально-культурной специфики фразеологических единиц и тем самым – способов отражения этой специфики в национальной языковой картине мира.

В изучении языковой картины мира главное – это упорядочение структур сознания при ориентировании на установившиеся национально-культурные эталоны в языковом социуме. По сути дела отнесенность к эталону и есть культурная коннотация.

Во фразеологических единицах представлена часть общеязыковой картины мира. При этом понимание того, что называется картиной мира, определяется существованием особого языкового «мировидения» или, по В. Гумбольдту, внутренней формы языка. По мнению Б.А.Серебренникова, картина мира не есть зеркальное отражение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, т.е. интерпретация, акт миропонимания, и что она зависит от призмы, через которую совершается мировидение.

Пытаясь моделировать внутренние формы фразеологизмов, приходится думать, что фразеологизмы имеют два плана: изначальный образный субстрат и современное сигнификативное значение. Именно поэтому фразеологизмы рисуют не одну, а две картины мира.

«Первая фразеологическая картина мира» рисуется значениями образных субстратов, т.е. дословно понятыми, буквально проинтерпретированными идиомами. В её структуре с сюрреалистическими элементами сосуществуют «следы» культур, предшествующих современному состоянию – обычаи и традиции, исторические события и элементы быта. «Вторая фразеологическая картина мира» – часть

национальной языковой картины мира. Она содержит в себе сигнификативные значения фразеологизмов в современном русском языке.

Проанализированные нами некоторые тематические группы фразеологических единиц, имеющих культурную коннотацию в русском языке, показали, что фразеологические единицы выполняют функцию знаков «языка» культуры, другими словами, они транслируют информацию, непосредственно связанную с *национальной языковой картиной мира*.

Таким образом, наше *предположение* о том, что национальная картина мира в русской фразеологии является отражением особого мировоззрения русского человека и результатом синтеза научной и наивной картины мира, нашло своё конкретное подтверждение.

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что материалы работы могут быть использованы в практике преподавания русского языка в средней школе, при составлении факультативных курсов по общей и сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации.

Нами были разработаны методические рекомендации по работе над фразеологизмами на уроках русского языка в средней школе. Мы считаем, что предложенные задания помогут учителю не только разнообразить урок, пополнить словарный запас учащихся фразеологизмами и индивидуализировать работу с учетом психологических особенностей каждого ребенка, но и расширят представления учеников о специфике ФЕ как культурно маркированного языкового знака, содержащего в своем образном основании сведения о культуре, истории и быте русского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Теоретические работы:

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц) [Текст] / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед.ун-та, 2004. – 296 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 224 с.
3. Алефиренко, Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология [Текст] / Н.Ф.Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М., 2009. – 342 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм.[Текст] / Н.Ф. Алефиренко – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
5. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурная природа ментальности [Текст]/ Н.Ф. Алефиренко// Язык. Словесность. Культура. – 2011. – № 1. – С. 23–43.
6. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа.[Текст]/Ю.Д. Апресян// Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. С. 37-67.
7. Апресян, Ю.Д. Основания системной лексикографии [Текст] / Ю.Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур. – 2006. С. 33-162.
8. Арсентьева, Е.Ф. Национально – культурная специфика фразеологических единиц [Текст] /Е.Ф. Арсентьева // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. Гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – т.2. – С.122-124.

9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст]/Н.Д. Арутюнова//М.: Языки русской культуры. – 1999. - 896 с.
10. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке.[Текст] / В.Л. Архангельский // Опыт теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону, 1964. – 316 с.
11. Ахиджакова, М. П. Национальная культура как фактор, определяющий понимание текста[Текст] / М.П. Ахиджакова // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: Материалы Междунар. науч. конф. (Белгород, 2005г.) / Под ред. док. филол. наук, проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 360с.
12. Бабкин, А.М. Фразеология и лексикография (задачи русского фразеологического словаря)[Текст] / А.М. Бабкин // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М., 1964 – С.8-9.
13. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика[Текст]/ А.П. Бабушкин: автореф. дис. док. фил. наук / А. П. Бабушкин. - Воронеж, 1998. - С. 1-41.
14. Багаутдинова, Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты. [Текст] / Г.А. Багаутдинова. Автореф. дис. док. фил. наук – Казань, 2007. – 42 с.
15. Байрамова, Л. К. Ценность и оценка во фразеологии [Текст]/ Л. К. Байрамова // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й.-2016.
16. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли // пер. с фр. К.А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. - М. : Изд-во Иностран. лит., 1961.- 393с.
17. Бартминьский, Е. Н. Какие ценности участвуют в формировании: языковой картины мира славян? // Славянская этнолингвистика. – 2009 [Электронный ресурс]/Е.Н. Бартминьский //Славянская этнолингвистика.- Режим доступа:<http://www.rastko.rs/rastko/delo>.

18. Булыгина Т.В., Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики).[Текст]/ Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Мастера русской культуры», 1997. – 574 с.
19. Буянова, Л.Ю. Русские пословицы и поговорки как этнокультурные константы: ментально-аксиологический аспект[Текст]/ Л.Ю. Буянова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия: Филологические науки, 2014. – № 77. – С. 60–62.
20. Буянова, Л.Ю. Фразеологизм как вербально-ментальное средство концептуализации мира: этнокогнитивный аспект [Текст] / Л.Ю. Буянова // Культурная жизнь Юга России. – 2012. № 4(47). С. 98–101.
21. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст]/ В.В. Виноградов // Современный русский язык: лексикология. Лексикография: хрестоматия и учебные задания. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та., 2015. – С. 181–191.
22. Вежбицкая, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке[Текст]/ А. Вежбицкая, А.А. Зализняк // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2015. С. 468-499.
23. Веренич, Т.М. Черты национального характера во фразеологической картине мира (на материале французского и русского языков) [Текст]/ Т.М. Веренич // Филология и лингвистика в современном обществе. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 51-53.
24. Верещагин, Е.М., Костомаров В.Г. О русских фразеологизмах в лингвострановедческом учебном словаре. [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз.,1990. – С. 3-16.
25. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст]/ С.Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. – № 1. – С. 64–72.
26. Воркачев, С.Г. «Куда ж нам плыть?» - лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития [Текст] /

- С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2016. - Вып. 8. - С.15–27.
27. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропологической парадигмы в языкознании [Текст]/ С.Г. Воркачев // Филологические науки. 2016. – № 1 – С. 42–52.
28. Воробьева, В.В. Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография. [Текст] / В.В. Воробьева. – Уфа, 2015. – 270 с.
29. Гак, В.Г. Фразеология в контексте культуры.[Текст]/ В.Г. Гак -М: «Языки русской культуры», 1999. – С. 260-265.
30. Гладкова, А.Н. Русская культурная семантика: Эмоции, ценность жизненной установки.[Текст] / А.Н. Гладкова. – М.: Языки славянской культуры, 2016. – 304 с.
31. Глотова, Е.А. Внутренняя форма как элемент фразеологического значения. [Текст]/ Е.А. Глотова // Динамика фразеологического состава языка. – Курган: Изд-во Курганс. Гос. ун-та, 2015. – С. 18-19.
32. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры. [Текст]/ В. фон. Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1985. – С. 39-54.
33. Гуревич, А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры.[Текст]/ А.Я. Гуревич. – М., 1990. - 241 с.
34. Дарамилова, З. Г. Концепт, концептосфера как базовые понятия когнитивной лингвистики[Текст]/З.Г. Дарамилова// Университет. чтения: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ - Секции 1–4 симпозиума 1. — Пятигорск: ПГЛУ, 2015. – С.161–167.
35. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии [Текст]/ Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. 1997. - №6. – С. 37-48.
36. Елисеева, О. В. Механизмы фразеологизации словосочетаний в современном русском языке [Текст] : автореф. дисс. . канд. фил. наук / О. В. Елисеева. Волгоград, 2015. - 235с.

37. Жуков, В.П. Заметки о фразеологическом значении [Электронный ресурс]/В.П. Жуков// Ученые записки. Публикации / Новгородский государственный университет. 2005. URL: <http://www.novsu.ac.ru>.
38. Жуков, В.П., Жуков, А.П. Русская фразеология. [Текст]/ В.П. Жуков, А.П. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
39. Жукова, М.Е. Фразеологическая картина мира современной России в зеркале одного дня [Текст]/М.М.Е. Жукова // Вестник Новгородского гос. университета. Серия: История. Филология. 2008 - Вып. 47. - С. 69-71.
40. Журавлева, О.Н. Оказиональная переработка фразеологизмов в политических текстах [Текст] /О.Н. Журавлева// Политическая лингвистика. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. - Вып. 11. – С. 44-54.
41. Зализняк, А. А., Левонтина И.Б., Шмелев, А.Д. [Текст]/А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
42. Золотых, Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. [Текст]/Л.Г. Золотых. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 265 с.
43. Иванова, С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. [Текст]/ С.В. Иванова. - Уфа, 2004. С. 89–92.
44. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик// Языковая личность: культурные концепты. - Архангельск, 1996. - С. 3-16.
45. Караулов, Ю.Н., Филиппович Н.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. [Текст]/Ю.Н. Караулов, Н.Н., Филиппович// Моделирование состояния и функционирования. – М., 2009. – 338с.
46. Катермина, В. В. Языковая картина мира и национальная специфика цветообозначений. Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: [Текст] / В.В. Катермина. Спб. науч. тр. Вып. 2. - Архангельск: Поморский университет, 2005.- 550 с.
47. Кибрик, А.А. Языковая картина мира [Текст] / А.А. Кибрик //Энциклоп.

- Кругосвет. – М., 2002.
48. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов [Электронный ресурс] / М.Л. Ковшова // Автореферат диссер. д.ф.н. Москва, 2009. URL://<http://www.dissercat.com/content/semantika-i-pragmatika-frazeologizmov-lingvokulturologicheskii-aspekt>.
 49. Колесов, В. В. Язык и ментальность [Текст] / В. В. Колесов.– Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2004. - С.19-20.
 50. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. [Текст]/Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 228 с.
 51. Копылова, В. Е. Фразеология русского языка как отражение языковой культуры мира. [Электронный ресурс] / В.Е. Копылова// Копылова В.Е., 2015.-URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/>.
 52. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. [Текст] / О.А. Корнилов. - М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
 53. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века [Текст]/Кубрякова Е. С. // Язык и наука конца 20 века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144– 238.
 54. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира [Текст]/Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. В.И. Постоваловой. М.: Прогресс, 1988. - С. 141 - 172.
 55. Ларин, Б. А. О народной фразеология [Текст]/ Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. - М., 1977. - С. 149-162.
 56. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. [Текст]/Л.А. Лебедева. - М.: Флинта, Наука, 2013. - 316 с.
 57. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Академия, 1997. С. 280-287.
 58. Лютикова, В.Д. Языковая личность и идиолект. [Текст] /В.Д. Лютикова. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. –188 с.

59. Маркова, Е.М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому. [Электронный ресурс] / Е.М. Маркова // Маркова Е.М. Вестник Московского гос. обл. университета, 2013.-URL: <http://vestnikmgou.ru/Issues/View/1>.
60. Маркова, Е.М. Названия растений в русском языке как отражение фрагмента языковой картины мира славян [Текст] /Е.М. Маркова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. - № 1. - С. 84–92.
61. Маркова, Е.М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имён существительных): монография. [Текст]/ Е.М. Маркова. - М., 2014. - 312 с.
62. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. [Текст]/Маслова. В. А. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
63. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика.[Текст]/ В.А. Маслова. - М.: Тетра Системс, 2004. – 256 с.
64. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов, 2 изд. [Текст]/ В.М. Мокиенко. – М.: издат. центр «Академия», 2014. – 238 с.
65. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка. [Текст] / А.И. Молотков. - Л., 1977. – С. 58-59.
66. Никитина, С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов) [Текст] / С.Е. Никитина.- М., 1999. – С. 99-102.
67. Полищук, Т. И. Содержание понятия языковая картина мира в лингвистике [Электронный ресурс] / Т.И. Полищук // уч. пособие
Режим доступа: <http://koapiya.do.am/publ/1-1-2>
68. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст]/ В. И. Постовалова // В кн.: Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. —С. 8 - 70.

69. Степанов, Ю. С. Концепт [Текст] / Ю.С. Степанов // Константы: Словарь Русской Культуры. Опыт Исследования. – М.: Школа «Языки Русской Культуры», 1997. – С. 40– 76.
70. Телия, В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии [Текст]/ В. Н. Телия // XI Междунар. конф. «Логика, методология, философия науки». – М.: 1995. – С. 102–106.
71. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава в контексте культуры [Текст]/ В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. - М.: 1999. - С. 14-16.
72. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 288 с.
73. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие [Текст]/. Тер-Минасова С. Г. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
74. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира в семантике [Текст] / Е.В. Урысон // Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
75. Хабибуллина, Л. Ф. Национальный миф в английской литературе второй половины XX века: автореф. дис. док. фил. наук. [Текст] / Л.Ф. Хабибуллина.- Самара, 2016. – 229 с.
76. Хайруллина, Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. [Текст]/Р. Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 2000. – 285 с.
77. Чепелова, Т.П. История возникновения понятия «языковая картина мира», его развитие [Текст]/Т.П. Чепелова // Молодой ученый. - 2009.- №5. – С. 119-122.
78. Черданцева, Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах [Текст] / Т. З. Черданцева // Метафора в языке и тексте. –М.: 1988. – С. 78–92.

79. Черкашина, Е. В. Языковая картина мира и её фразеологическая репрезентация в произведениях Н. В. Гоголя [Текст]/Е.В. Черкашина // Молодой ученый. - 2015.- №10. - С. 160-162.
80. Шадрин, Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. – Изд-во Саратовского ун-та, [Текст]/ Н.Н. Шадрин. - 1991. – С. 67-69.
81. Шакирова Т. В., Еренчинова, Е. Б. К вопросу о роли и специфике фразеологии в пространстве языковой картины мира [Текст] / Т.В. Шакирова, Е.Б. Еренчинова // Молодой ученый. -2015. - №3.- С. 990-993.
82. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М: Высш. шк., 1985. – 378с.
83. Шаронова, М.А. Особенности функционирования фразеологической инверсии [Текст] / М.А. Шаронова // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып.287. – М., 1987. - 350с.
84. Шингарева, М. А. Языковые картины мира в призме пословично-фразеологического фонда языка [Электронный ресурс] Журнал «Простор». – 2006. - Режим доступа: [http:// www.narod.ru](http://www.narod.ru).
85. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.nspu.net/fileadmi>.

II. Список использованных словарей:

1. ФС Алефиренко, Н. Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно – познавательное пространство русской идиоматики [Текст]/Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. - М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. - 472 с.
2. ЛФС Жуков, А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка: ок. 1500 фразеологических единиц [Текст]/ А. В. Жуков. - М.: Астрель: АСТ, 2007. - 603 с.

3. ФРР Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц [Текст] /А.М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. - 856 с.
- 4.Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Текст] / Под ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Фолио-Пресс, 2001.-704с.
5. ФСРЛЯ Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского лит. языка: ок. 13 000 фразеологических единиц [Текст] / А. И. Фёдоров. - 3-е изд., испр. - М. : Астрель : АСТ, 2008. - 878 с.
6. Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник /сост. Н. В. Баско. 2-е изд.[Текст] - М.: Флинта; Наука, 2007.- 398 с.